

Литературно-эзотерический альманах
Ордена Белой Обезьяны
и клуба "93 in 39 (Цитадель Хаоса)"

За Юмор и Здравый Смысл!
Делай что Желаетшь - Желай Невозможного!

Невозможная ЭОС

Эстим Э.

Стефан

Вит. А. Мартин 2010

Анон Рив

ЛИТЕРАТУРНО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРДЕНА БЕЛОЙ ОБЕЗЬЯНЫ И КЛУБА «93 IN 39 (ЦИТАДЕЛЬ ХАОСА)»

АПОКРИФ

Выпуск 21. Остин О. Спепар. Логомахия ЗОС.

Начало переосформления серии приурочено к дню рождения Алистера Кроули.

© «Апокриф» • 93 in 39: Цитадель Хаоса. 1-15 марта 2010.
236000 Калининград • ул. Нарвская 17, 11; <http://apokrif93.a-z-o-t.com/>
Ред. Fr. Nyarlathotep Otis
E-mail: 93in39@gmail.com

Остин Осман Спар

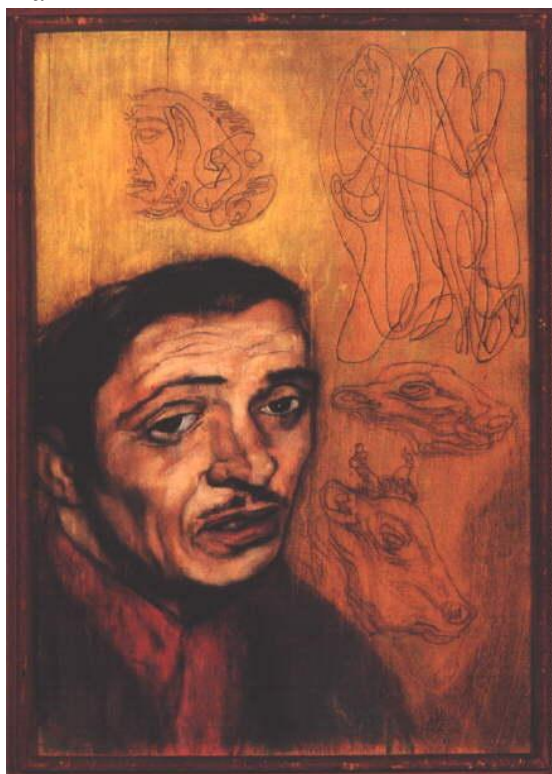
Логомахия ЗОС

1. Мудрость есть застой: Знание подобно «змею бесконечности», без конца пожирающему себя¹.
2. Больше ложного пафоса: взаимозависимость всех проклятый «я» и Эго — кошмар, управляемый незамеченными, неподвластными нам задержками ответа, важного для воссоединения.
3. Эго прирастает тем, что пробуждает взаимные истечения; посему ищите теоцентрическое в эгоцентрическом.
4. Если Бог олицетворяет наши пороки, то мы, следовательно, воплощаем Его пороки?
5. Субъект, понимающий объект посредством суждения «как бы», может получить ингрессивный эмоциональный опыт через взаимное выражение.
6. Лживость и всякая блажь — отражённая память об отчуждённом и забытом событии, которая возродилась и проявилась для того, чтобы снова войти в силу; то, ради чего вы притворяетесь, содержит в себе смещённую, находящуюся в неправильном времени и месте Истину. То же истинно и для будущего. Время здесь течёт не спеша...
7. У кого мы просим прощения, когда ненавидим себя?
8. Наши побуждения всегда вездесущи, склонности изменчивы, а Знание становится чрезмерным.

¹ См. № 342.

АПОКРИФ

9. Учиться никогда не поздно, быть получаемым поздно всегда.
10. Если всякое понимание — это наша способность находить связь с различными со-сущностями, то сделать её более разнообразной — единственная цель бытия.
11. У жизненной силы и Ид — своя логика, не исключаяющая нашей изменчивости желаний. Неподчинение есть добродетель: оно порождает новые формы.
12. Экстаз — это наша запредельность, позволяющее соприкоснуться с Реальностью. Это сильный творческий момент, в котором есть в избытке то, что при синхронизации может быть использовано для воплощения иного желания.
13. В мужественности есть честность цели.
14. Все мы конечны, а всё конечное, в конечном счёте, возвышается до Авто-Эго¹.
15. Скажите, что постижимо, когда мы не можем постичь даже того, что постигаем?
16. Насмешливая Обезьяна, улыбающийся Бог — оба манят и одаряют.
17. Трижды соскальзывал я в странные формы себя самого, и трижды моя Душа спасала меня.
18. Многое понятно из того, что редко можно выразить; но стоит попытаться облечь это в слова — оно истаивает².
19. Разум, тело, эго и всё вокруг проистекает из желания: желать вечно...
20. В алфавите заключена прихотливая абракадабра нашего знания.
21. Главное наше различие между собой и отличие от животных — в степени «способности», инстинкта к становлению «индивидуальным», своевольным. Выдающаяся степень способности являет страстный душевный союз.
22. Одно лишь Искусство обладает «даром языков», универсальным пониманием, и знать его основы — путь к Мудрости и Знанию.
23. Чего бы ты ни достиг, к чему бы ты ни прикоснулся, — всё есть плоть.
24. Мы не можем любить любовь слишком сильно, когда обретаем её.
25. Самораскрытие в простом и загадочном знаке: смысл всех смыслов. Подумай, прежде чем осушить сию Чашу отравленных возможностей.
26. Когда наши стремления станут неумолимы, как страсть, разум сам подскажет методы и средства.
27. Небеса не дают нам моральных законов, но лишь инстинктивную тягу к справедливости и добродетели.
28. Опасность энергичного ума в том, что он ищет сложности любого вида и степени: основы теряются в этом лесу деталей.
29. Да не возжелаем мы места в ином пантеоне, кроме зооморфного: лучше чтить своё животное происхождение (покуда не станем людьми в полной мере), и тогда наименее достижимое и наиболее непознаваемое раскроет наш следующий шаг.

¹ См. № 340.

² См. № 41.

30. Какими несовместимыми ни были бы открытия, они всегда следуют ходу предельных умозаключений, идущих от нашей врождённой способности к изобретательству.
31. Ум не имеет другой цели, кроме той, что выводит из предыдущих волений; поэтому все наши мотивы — связанные между собой процессы, проистекающие из основного стремления глубоко внутри нас и проявляющиеся как Любовь к себе.
32. Мышление — обратное отражение эмоциональных потребностей: его равнодействующая меняется от любой неожиданности.
33. Когда человек впадает в излишнее зло или добро, случаются чрезмерные и бесплодные метаморфозы. Такова теургия Желания — когда все стремления фокусируются в величии или низости.
34. Зачастую возвращение к прежнему состоянию — путь к извращениям, а неупотребимое или злоупотребимое вырождается, ежели не направить его на другую цель.
35. Любовь исчезнет, если отвергается соитие.
36. Вещи бывают прекраснее их выражения посредством искусства, когда мы выражаем в них себя.
37. Художник озаряет невиданные красоты и открывает нам глаза на пользу красоты как удовольствия менее преходящего.
38. Мы ощущаем целое, пока его не сожрали детали.
39. Знать основы Искусства значит знать путь к мудрости.
40. То, чего не существует, изобретёт или измыслит Человек.
41. Многое понимаем, редко выражаем; но стоит попытаться облечь это в слова — оно уже позабыто¹.
42. Самопрославление через прощение себя и других — вот наша ошибка.
43. Эмоциональная глубина может дать оригинальность выражения.
44. Мы находим в Искусстве опыт, упущенный нами в жизни.
45. Искусство — лавка менялы, в которой мы меняем эмоциональный опыт на творческую жизнь.
46. Творение художника — субъективная правда, поскольку относится к малоизвестному опыту.
47. Неискренность — простейший способ бегства.
48. Задача искусства — сделать что-либо похожим на себя самоё в большей или в меньшей степени, чем оно выглядит на самом деле.
49. Красоте нет предела; она подтверждает наше внутреннее чувство совершенства, которое меняется слабее, чем мы сами.

50. Чрезмерная скромность позволяет недостойным искать нашего общества.
51. Порочный круг: Страх, порождаемый страхом перед принятием событий.
52. Наши близкие родственники — лучшая защита от веры в себя.
53. Когда Искусство желает, зверь повелевает.
54. Одно постоянно в жизни — изменение, поэтому становление и движение к цели редко бывают приятны.
55. Рождение и смерть, как и всё на свете, начинаются до своего начала.
56. Зачастую Бог — это обобщение нашего незнания и неудовлетворённости; говоря «Бог ведает» и «Бог даст», мы забываем, что мы — знание Бога и его дары.

¹ См. № 18.

АПОКРИФ

57. Что угодно можно доказать, сымитировав; тогда оно становится правдоподобным.
58. Тело неизменно исполнено прекрасного, и не стоит перебарщивать с украшениями.
59. Одна мысль заполняет пустоту, две могут стать реальностью и бесконечной сложностью.
60. Страсть недолговечна, чем бы ни был её объект, и грозно её пробуждение.
61. Порог «психического» — место для игр шарлатана.
62. Только вдохновенный разум может символизировать и таким образом соотносить абстрактное с конкретным или общим.
63. Вновь и вновь доктрина «Я есмь Бог» никогда не обосновывается ничем, кроме силы, взятой взаймы для целей иных, нежели наши собственные. Вскоре она начинает источать зловоние, переходя в свою противоположность: наша внешность и обращённость вовне безбожны, и, чтобы стать «собой», мы должны отделить себя от них. Боги «познаются» не отрицанием или принижением других: они всегда видят себя великими.
64. Человек не может быть превзойдён, пока не проявит того, что подавлено в нём. Совершив все возможные злодеяния, он всё ещё обладает великими возможностями.
65. Всякая сущность (*thing*) — частица сущего (*everything*).
66. Факт — плод трюизма, поэтому все факты сомнительны. Фантазии — приспособления для объяснения неопределимого; именно так возникла вся наша систематическая связность.
67. Я непрестанно веду прекрасную работу: выясняю, что я делаю, и что оно означает. Я всегда могу прочесть в нём то, чего не подразумевал прежде; но никогда — смысла моего смысла, или общий смысл. А мы ещё удивляемся, почему одним больше смысла, чем в чём-то другом.
68. Как мы вообще можем что-то знать? Хаос — наш язык; наши причудливые ритмы звучат не в лад с Космосом: испорченный слух, воспринимающий грубую какофонию воображаемых зверинцев, спорящих друг с другом, и в конце — капание слюной над мелочами в поисках себя.
69. То, что мы принимаем, есть наши умо-заключения.
70. Бытие алогично в любой известной нам «логике» и потому иррационально, неподвластно никакой рационализации, кроме наших собственных предрассудков, наполняющих наш разум.
71. Если все явления — текучая условность и проявление Безусловного, то почему мы созидаем наше Эго, которое есть не что иное как причудливый аутизм? Никто не помнит, чтобы некто желал бытия; но, без сомнения, у нас есть Эго, и это единственное, что мы знаем наверняка. Я говорю об «Эго», о нашей индивидуальности, как об отграниченном и отделённом от всего прочего.
72. В нашем сознании есть некий самописец (или нечто, способное к синтезу), использующий синонимичные непостижимости там, где терпят поражение ассоциации и опыт: как некоторые звуки способны вызывать красочные образы, так определённые причудливые формы помогут отыскать эстетическую истину.
73. Все психозы и иже с ними происходят из нормальности: они не наследственны, но приобретаемы; да, на каком-то этапе безумие может быть твёрдым выбором — предпочтением. Когда мы выворачиваем наизнанку фасад реальности, мы должны принять эту изнанку: по причине психосоматического параллелизма аутизм может устраивать так же, как и действительность. Так приобретается некая способность — коловращение: «желание, псевдодеяние»; создание искусства, не природы.

74. Дотянуться, схватить перелётную «мысль» и переделать её в свою собственную — один из видов гения.
75. Жизнь любит жизнь как случайность.
76. В наших эrogenных зонах больше правды, чем во всех религиях и математике.
77. Истина проистекает из положения наших звёзд и уравнивает их требования (общие или частные). Функция истины — согласование, она косвенно формирует наши верования и ценности. Все мы — образчики самоочевидной (то есть публичной и эндемичной) истины как посредника между чистым (информирующий агент) и эмпирическим Эго (волящее), с совестью как ядром (эмоциональная оценка): всякое Знание — одно, переданное через другое.
78. Внутри нас есть неизвестный, но родственный нам по сути предсказатель, окрашивающий весь наш опыт в оттенки добра и зла: поэтому, каких бы взглядов или верований мы ни придерживались, нарушение их фатально.
79. Любой факт или вымысел без труда находит поддержку в родственном, так как всё на свете имеет «точку сообщения» и период реальности, когда оно пребывает здесь и сейчас. Наша беда в том, что нужно вспомнить их «как сейчас»; так мы приобретаем вместо настоящего убеждения подобие (то есть подделку, религию или веру), не нуждающееся в реальности чего бы то ни было кроме себя самого: чего ты не можешь вообразить собой, есть ты сам (как иная реальность).
80. Абстрактное или конкретное: спроси у вещи о ней самой — и она ответит на своём языке; так, если я спрошу у своего разума, что есть «сознание», то получу верный ответ, хотя, быть может, не пойму его: игра словами не передаст всю полноту и точность звуко-символов, но, не понимая, я уловлю эмоциональный посыл, как от музыкальной фразы (Баха, например, или Моцарта), и извлеку из

него смысл послания (настолько верно, насколько это возможно).

81. Если мы бежим от реальности, то всё, что мы делаем, будет делаться словно бы по доверенности. В мире больше призраков, чем живых.

82. Всё «абстрактное» включает всё без исключений, поэтому мы мало знаем о скрытом в нас.
83. Дабы постичь, что убеждения проистекают из некоего «Того», дабы в полной мере утвердить себя «как То» внутри, мы можем познать себя, лишь выйдя за пределы себя; ибо всё, что мы только способны помыслить, не выходит за пределы нашего я, а видеть пустоту — значит заглянуть внутрь себя. Мы полагаем, что наше мышление и воображение заключены внутри, тогда как они только проявляются посредством тела (как средства выражения).
84. Ненависть в различных её формах — эмоция куда сильнее, куда могущественнее

АПОКРИФ

- нее, нежели другие, и её легче всего вызвать. Поэтому людей, делающих мир хуже, больше, чем тех, кто делает его лучше.
85. Мы индивидуальны не столько нашей материальной формой, сколько целенаправленными действиями по управлению Ид, по направлению их в случайное русло, так что они как бы обладают собственной волей.
86. Мы — самосотворённые Эго, и потому, как правило, концентричны, альтруистичны или нет, насколько это возможно.
87. О Смерть, ты была бы великой дарительницей, не будь у тебя этого ложного имени — «конец». Так молвят о тебе уставшие.
88. Если Абсолют связан с неабсолютным и со всякой своей противоположностью, то для достижения внутренней способности связывать и самости нам нужна лишь способность объединять.
89. Когда мы не нужны себе (как другим), для выживания нужен хоть кто-нибудь.
90. Когда об отказе от предложения невозможно даже помыслить, тогда предложение будет принято как необходимое или истинное; когда ты его встречаешь, в нём нет никакой необходимости.
91. Бог — целиком и полностью моя Идея; иначе он существовать не может.
92. Чем окружающее контрастнее, тем оно реальней: Истина делает всё более контрастным.
93. Непрестанно взаимодействуя, (наши) вымыслы создают сосуществующие гипотезы, жаждущие крови, вплетающиеся в причинную цепь памяти и становящиеся столь же реальными — столь же, если не больше, — как наши воспоминания.
94. Усилия нашего воображения — материя возможностей.
95. Если ты действуешь по неясным мотивам или со зла, тысяча незримых рук могут тебе, сам дьявол в одеждах альтруиста будет рядом. Но если ты действуешь безмянно и добродетельно, только Бог поможет тебе (что сомнительно).
96. Когда мы говорим «Я Верю», это, как правило, лживое заявление, произнесённое заразным ртом заёмных правил или подражания, как будто у нас нет собственного опыта. Убеждения должны быть жизненными, живыми и неоспоримо естественными, как бег нашей крови по жилам или биение нашего сердца.
97. Многие вещи весьма далеки во времени и пространстве; мы путешествуем с помощью своей способности связывать (воображаемой или нет: работают обе).
98. Любовь человека к нарядам, к маскараду — символ вполне понятный: одна тайна, облекающая другую.
99. Есть правила того, как надо просить, отдавать, принимать и отнимать. Мы же небрежны: часто просим, отдаём, принимаем или отнимаем не у тех.
100. Мы заперты в клетке измерений, но ничто не мешает нам глазеть сквозь прутья: у воображения меньше преград, чем у рассудка.
101. Мысль подобна эфиру, она связует и пронизывает всё сущее, даруя нам всё, что мы знаем интуитивно. А что мы даём взамен?
102. Нравственность — обучение взаимное, необходимое для того, чтобы выжить и защитить неопытных от ненужных или несоответствующих развитию последствий.
103. Законы джунглей превыше наших, но человек устанавливает свои законы.
104. Все удовольствия в конечном счёте уравниваются; они разнятся лишь по продолжительности и количеству. Когда те или иные удовольствия становятся постоянными, мы, естественно, боремся за их сохранение. Для меня задница толстушки просторна и велика, и я не знаю ничего лучшего, — так зачем мне предавать её или превращать в «Любовь к Бо-

гу»? Я люблю Бога посредством толстого зада. Истинно оценить абстрактное возможно лишь через что-нибудь другое. Это лучше, чем смириться с верой в невыводимое разумом. Действительность, как и убеждения, постигается через ощущения. Так Душа любит всё, что любит её через творения её рук: тех, кто ценит её труд...

105. Когда ты смеёшься над другими, ты «видишь себя так, как другие видят нас», но такая оценка — весьма дурной портрет: не всесторонняя правда, а только кажимость.
106. Поэзия — искусная гипербола.

107. Аномалии языка многочисленны, но многие использованы здесь, дабы развить более логичную форму и показать цель моей системы: личная форма выражения абстрактного для психосоматических изменений и общения Разума с Эго. Духом языка должны быть ясные «смыслы» (в любой рациональной семантической системе) с наименее двусмысленным синтаксисом.
108. Все символы, как и слова, суть оформленные смыслы. Любая последовательность таких смыслов должна быть краткой, естественной апофегмой¹. Простота есть стиль ясности. Так, фраза «Я пред-

почитаю толстухек» допустима как мнение; её поймёт и самый малообразованный. Будучи частным утверждением, она внушает слушателю некое «почему», и если он меня знает, он добавит: чувственных, приятных в общении, красивых, образованных; если же нет, то он может мысленно добавить несколько расхожих эпитетов. Ничего из этого не было в самой фразе. И так, каким бы простым ни было предложение (кроме, конечно, откровенно глупых), в нём прочтётся больше, чем записано, будет некий — уникальный для каждого — побочный продукт: допущения других о том, что там подразумевалось нечто, чего там не было, и наше допущение, что фраза будет понята, какой бы неуклюжей или тёмной она ни была. Всё это бесполезно для ответа нашего собственного ума: любое утверждение о части целого доводится до утверждения о целом посредством других утверждений в виде убеждения. Только наши убеждения как личные истины есть ответы Эго разуму. Таким образом, утверждения вроде «Бог есть любовь», «Бог есть ненависть», «Бог есть безразличие» — не мои личные истины, но если я принимаю их как аксиомы, то их можно применять в общении, например, как личные истины: (поскольку) «Я верю в себя, все верят в меня». Ибо, если я верю в себя непреклонно, всё вокруг верит в меня. Поэтому, если я переищу фразу «Я предпочитаю толстухек» моей собственной азбукой, оно потребует переоценки и ответа от разума, а словесные образы будут бесполезны. Другая трудность со словесными формами: Например, если я говорю «Он прекрасен» (о ком-то, известном и мне, и слушателю), могут решить, что я имел в виду лишь физическую сторону (упуская моральную, социальную и психологическую). Здесь указанный объект означает большее, нежели вложено в слова. Поэтому то же само предложение заставля-

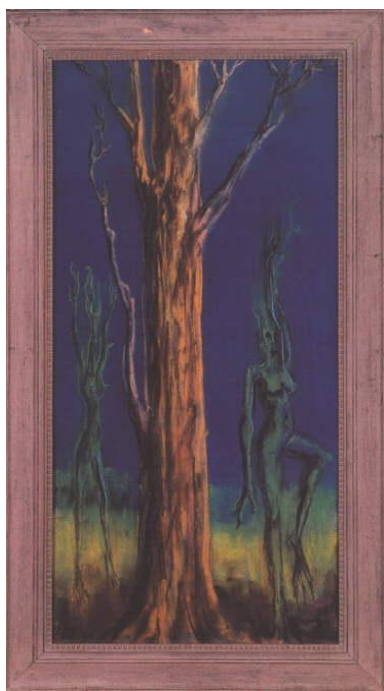
¹ *Апофегма* — краткое и меткое наставительное изречение, нравоучительная сентенция, афоризм.

АПОКРИФ

ет другого слушателя (не знающего того, о ком идёт речь) гадать об истинном положении дел; приходится прилагать общие критерии достоинства человека (или Идеал). Так, толкование слов зависит главным образом от одинаковой осведомлённости в вопросе и некой значимости смыслов.

109. В каждом зародыше (в его внешнем виде) есть предвидение собственной цели, исходя из которой его восприятие будет развиваться благодаря опыту: личное эго из универсального Эго. Посему наше предвидение есть абстрактная всеведущая осознанность.
110. Рок, как отнимает он столь любимое нами! Девственность нарушается, одалиски превращаются в жалких потаскух, человек смердит: как случилось это? Жадность — заразная болезнь.
111. Единственный символ Бога — Человек (и наоборот).
112. Некоторые иллюзии суть вид объекта, воспринятого расплывчато и сплавленного с другим более рациональным впечатлением.
113. Человек приобретает убеждения скорее от внешних влияний, нежели от того, что испытывает «сейчас», хотя то, в чём он убеждён, есть подобие прошлого опыта.
114. Выдумки не относятся ни к чему изведанному, и ничто не может быть изведано наверняка.
115. Всякое воление суть синтетический вывод; лучшее в нас — крохотные различия.
116. Когда энтузиазм и усилия равны и едины в цели, её достижение рядом, чего бы оно ни несло.
117. Жизнь не убывает, но прибывает по мере удовлетворения. Мы были порождены и порождаем сами. Что бы мы ни создали, оно сокрыто в наших неизвестных будущих возможностях, а не в наших ярлыках и знаниях.
118. «Знать себя», «отвергнуть себя» и тому подобное суть постулаты гиперболы; мы всего лишь заменяем наши мысленные одежды новыми оборотами речи. Наш разум есть бесконечная опись, представляющая вселенную, о которой мы мало что знаем; но неизвестное внутри нас обширнее и потому куда плодотворнее в плане возможностей.
119. Своими системами правления мы воздвигли отрицание справедливости как формы существования: наши прирождённые права украдены у нас при рождении, и чтобы оставить нас с пустыми руками, нас учат: «Не укради».
120. Смотри в своё прошлое, дабы предугадать будущее.
121. Недалновидно ли ограничивать наши убеждения, когда мы не ведаем о своих будущих возможностях? Однако всё возможное выражение находится в рамках определённой техники и форм, — какими бы различными ни были наши усилия.
122. Что мы знаем наверняка? В запутанности различий мы принимаем бремя притворства и догматизируем нашу ложь.
123. Тайна прекрасного, сокрытая за вещами, даёт им очарование, а не их смыслы, знакомые нам.

124. Третий Глаз есть! Перефразируя «Пусть не видит твой правый глаз то, что видит левый», получим «Различение без особых различий», за исключением нашей сознательной слепоты ко всем разрешённым самообманам, которые видит и запоминает внутренний взор. Ты можешь ввести в заблуждение своё поверхностное сознание, но не то, что в глубине.
125. ...И в ноуменальном, в нашей вечности, мы надеемся, что все усилия нашей жизни прилагались для неизменного совершенства с удовольствием в качестве дополнения. Все вещи, все знания и весь жизненный опыт противоречат этому.
126. Необходима ли Истина? Нам нужна наша собственная Истина: недостаток единства способствует бесплодности и бессмыслен. То, что важнее Истины, выражается через наши усилия достичь его.
127. Кара старости есть приговор всех возрастов; будь уверен: твои неудачи, несчастливый случайности и болезни, какими бы они ни были, отзовутся тебе в старости.
128. Не бывает заключительных умозаключений, ибо ничто не даст росток, если

мы не имеем или не создаём необходимости прихотливого «воля-страсть-убеждение» как возможного образа нашей цели¹.

129. Эклектичный путь не избавляет от препятствий, но он есть линия (часто кривая), прорезающаяся от одной предопределённой точки к другой.
130. Бог внутри нас? — пока не зримый образ, но отражение в зеркале: несуществующая реальность присутствия без его местопребывания.
131. Идеи, прочувствованные тобою — их собственная вероятность.
132. Великая бесплодность: божество и человек — сущие вечно — суть навозные образы жадности под другими именами².
133. Когда некто видит своё отражение во всём и всё в себе, он становится Стоиком. Никто не может потерять своё или чужое Эго в вечности, ибо его направленность вовне есть сокрытая и стойкая частица нас³.
134. Наш ум связывает всё, а мысль — связка; наши способы выражения страстей ограничены, дурны или безумны⁴.
135. Душа и разум глухи к звукам нашей речи, но отвечают страсти, несущей чистое чувство⁵.
136. Куда бы ни направилось Эго, там лишь ощущение и восприятие реальности⁶.
137. Мы называем ход некоторых вещей «перстом Божьим» или «Судьбой», хотя это беспристрастное следствие нашей прошлой кармы⁷.
138. Мы делаем слова многозначными, добавляя собственный смысл; такие изменения становятся бесчисленными, и мало кто понимает себя или других⁸.
139. То, что ты говоришь о богах, более говорит о тебе самом.

¹ См. № 410.

² См. № 605.

³ См. № 607.

⁴ См. № 608.

⁵ См. № 609.

⁶ См. № 611.

⁷ См. № 612.

⁸ См. № 613.

АПОКРИФ

140. Все пути в рай ведут к плоти. Наши сны курса и восхождение от земли должны начаться здесь; ничто не достигается иначе как посредством страсти, и наш единственный инструмент есть плоть: рот и рука. Посреди действительности протекают наши стремления к нереальному, поэтому я учу равной реальности всего сущего, человека и его иллюзий — плоти снов¹... Плачевное зрелище: нехудожники борются со своими страхами как с тенью; автоматы, приводимые в действие собственными неправдами, стремясь к осуществлению².
141. Истина повсеместна, нигде нет ничего неистинного, хотя так может показаться: из-за того, что мы не можем должным образом реагировать на правду³.
142. Я вижу множественность во всём и в себе как единство с внутренними связями, ибо что бы я ни помыслил иначе, оно приведёт меня в заблуждение или в «если бы». Чем больше я погружаюсь в сущее, тем более выхожу за его пределы; чем больше внутри, тем больше вовне...
143. Я вездесущ, но неведом себе, кроме как внутри своего Эго. Я есмь сплетение всех многочисленных форм, а не зная себя всецело, как могу я знать многое об иных людях и иных богах? Но человек нам известный состоит в основном из убеждений, которые он принимает, ибо «бытие» есть функция всепомнящей Души; поэтому выводите убеждения из своих потребностей, которые одни дают ответ и воздаяние — добром ли, злом ли.
144. Кошмар: как ужасно это место; уж не религиозно ли оно?
145. «Одно во Всём» и тысячи подобных обобщений суть испражнения языка, бессмысленные нагромождения, «зловонный кусок», образующий хаос, из которого возник порядок путём разделений и всяческого неравенства, венец которых — Индивидуальность и Эго.
146. Мудрость — в понимании таинственной непостижимости всех вещей, кто бы ни был их творцом, и всё, что отчасти раскрывают наши познания, доказывает это⁴.
147. Если я зачат всеми вчерашними днями, то Эго (составленное из моих воспоминаний, ставших плотью) — мой единственный светильник в мире завтрашних дней⁵.
148. Мои боги росли вместе со мною⁶.
149. Секрет счастья — быть в гармонии с собой; превыше этого не должно или невозможно желать почти ничего. Ищи свою среду и изменяй её; не спрашивай меня, что есть твоё «я»: я смутно понимаю, что переделал я из своего «я» в себя как я есть⁷.
150. Если бы другие любили себя вполонину так, как люблю себя я, не было бы войн. Всё казалось бы менее опасным, чем Реальность, ибо от него можно бежать или избавиться.

¹ См. № 459.

² См. № 460.

³ См. № 461.

⁴ См. № 403.

⁵ См. № 404.

⁶ См. № 409.

⁷ См. № 470.

151. Жизненная сила идеи, формы и баланс композиции — вот основы того, как мастера придают жизнь своим истинам.
152. Скука — признак болезни: наступающей слепоты, глухоты, паралича и иже с ними.
153. Дружба — лишь преломление желания большей полноты себя. Когда я Бог в себе, я Богу ничто.
154. Мы выглядим куда хуже в перспективе, чем в ретроспективе.
155. Страсть вознаграждается страстью. Мелкие желания заставят тебя истекать кровью и сделают столь же жадным, как и они сами¹.
156. Когда мы испытываем продолжительное одиночество, мы находим его более людным, чем толпа, и обиталищем наших собственных реальностей. От одиночества нельзя сбежать, а когда мы его боимся, сознание явно поражено пороком.
157. Только господствующая страсть может принудить нас сделать то, что мы желаем сделать хорошо².
158. Природа есть объединяющий принцип, никогда не принуждающий к единообразию.
159. Я знаю не только то, что я знаю, но и то, насколько мало я знаю о своём всеведении.
160. Мне привиделся духовный мир в состоянии постоянной синхронной деволуции: не сумев быть человеком, человек возрождается карикатурным зверем.
161. Цена Самости — страдание.
162. Я верю в «сочужество»: проблема «содружества» как идеала в том, что текущее поведение человека слишком жестоко, чтобы выразить его словами.
163. Пространство — предел вероятного; Время — возможного прямо сейчас. Ложь есть мысленный эксгибиционизм некоторых «забытых» событий, желающих возродиться. Как бы вы ни гнали, это может стать правдой: однажды, в другое время, но не здесь и не сейчас. Сперва нужно создать благоприятную среду.
164. Наша «личная вера» часто есть подавленная слабость приносить пользу другим; когда это случается, мы на коне.
165. Слова, слова, слова; как бы их ни использовали, что бы они ни означали, чего бы ни требовали и ни сообщали, они говорят больше, являясь среди гротесков всякого рода. Да, умелая работа со словом приносит быструю смерть дряблым идеям, но слова ещё и самые острые, внушительные, заразительные, взаимозаменяемые и прочные орудия для обозначения чего бы то ни было. Самый смертоносный вирус, самая мощная эмоциональная разрядка волшебной тонкости, — так что даже очищенные места раскрывают ваши убеждения посредством их побуждающего влияния и волшебства.
166. Если желание формулирует свой смысл при помощи параллельного подобия, оно приобретает отдельное толкование.
167. Даритель, дающий без жажды воздаяния, не ошибается: принимающий дар несёт моральное бремя и как контраполучатель; во всём есть конечное справедливое воздаяние.
168. «*Summum bonum*»³ оценок есть справедливое воздаяние или компромисс между различающимися вещами: наше «Это» в отношении «Того». То, что наше — движется вглубь, что чужое — вширь.
169. Все психотравмы связаны с подсознательным и ведут нас от инстинктивного к сознательному.
170. Если мы видим вещь и ничего не чувствуем при этом, конечным результатом будет пустота, как если бы мы прикасались к чему-то, но ничего не видели. Эмоциональные ощущения есть наши высшие процессы и функции.

¹ См. № 562.

² См. № 568.

³ (лат.) Величайшее благо.

АПОКРИФ

171. Искренность труднодостижима, кроме как через прочные привязанности, ибо она неустойчива в адаптации и склонна к бесцельности. Искренность — квинтэссенция чувств, глубокое ощущение (или «осязание»); она создаёт наши таланты и формирует наш темперамент, индивидуальность и характер.
172. Нет ни одного независимого человека. Мы не ведаем, что «бытие» бесконечно взаимосвязано внутри себя и что наша способность снова и снова связывать является нашей единственной реальностью, хотя узы эти всегда преходящи.
173. Долголетие и молодежавый вид связаны с инфантильностью, с её идеями фикс, вошедшими в привычку, с её фобиями и запретами.

174. Ханжество — повсеместное зловоние.
175. Математические сглаживания «доказывают» прагматизм «как бы»: прямая линия как отрезок неопределённой и длинной дуги.
176. Формы дополняются благодаря пространственным свойствам и расположению воспринимаемых объектов.
177. Квинтэссенция монотонности: все вещи подобны и равны.
178. Панацея: не поза, не порыв, не самоуверенность, но дерзость «постоянного мужества ума» в действии, — вот удовлетворительный ответ.
179. Природа учит нас равной значимости всех сущностей: травинка, мёртвый Бог или живая свинья — все одинаково важны. Важнее всего — работа по превращению себя в нечто на себя непохожее.
180. Несправедливо обиженные не получают возмещения, если такой же вред нанести

их обидчику: наказание должно быть не только исправлением, но и компенсацией жертве. Это не исключает других средств сдерживания в случае необходимости.

181. Если ты должен убить, ищи убийц; отвечай злом на зло, даже себе самому.
182. Эго: отражающий символ вещей в себе, оплодотворяемый нашей собственной неисчерпаемой способностью преломлять. Это — связующая сила, реальность вещей в себе, полученная через вторые руки, функционально расходящаяся с оригиналом: текущее во всех направлениях влечение, соединяющееся посредством «как бы»; равное приобретает направление через неравенство.
183. Аутисты как художники оценивают свои желания по сопутствующему волевому усилию, подтверждая свои идеи как преопределяющую силу риска и метаморфозы.
184. Жизнь — бесконечное сотворение нового. Кем бы мы ни были, наша ценность экзистенциальна: она неизменно состоит из вчерашних возможностей.
185. Вдохновлены мы Богами или чем-то иным — неважно; мы подобны Им, как и они нам.
186. «Нет закона кроме моего»; ни один глупец не преуспел в его утверждении.
187. Мысль есть впечатление, следующее за ощущением; следуя перед ним, она никак не даёт о себе знать.
188. Все уравнения суть предположения: усреднение разнообразия неравного с неточным в качестве приближённых значений — всегда чревато упущением.
189. Время и пространство суть случаи эмпирического релятивизма, произошедшего из множества наших незавершённых и разрозненных заключений, ищущих связи между собой. Несвязанное не имеет ни времени, ни места, ни Эго.
190. Мы не можем угадать свою цель и никогда не превзойдём её, но очень важно,

- что мы убеждены в её существовании, ибо она вознаграждает умение.
191. Нет равновесия без равного напряжения или взаимного вознаграждения.
192. Мы словно тени наших сомнений, вскормленные наваждениями, преследуемые надеждами и страхами, скорчившиеся в уголке, где мы считаем себя реальными и защищёнными... И молитесь Богу, надеясь на добычу.
193. Невероятное может следовать за возможным, потому что никто не может сказать, что может сбыться, а что исполнимо. Когда мы говорим о невозможном или немислимом, мы на самом деле подразумеваем, что оно невозможно сейчас же, что нужный момент времени не может найти связь с прошлым.
194. Мы лучше всего служим себе, отдавая другим то, в чём нуждаемся сами; наши ошибки ведут к пошлости и кровожадности.
195. Всё проявлено, наша ошибка — в неспособности воспринимать с нашего уровня. Знания постепенно накапливаются с видениями и впечатлениями, объясняя менее известное через уже известное благодаря способности к рассуждению.
196. Кто бы ни использовал маловероятное как достижимое, он утончённый художник.
197. Как ты сможешь быть в движении, обладая мелкими убеждениями и мелкими желаниями?
198. Кто бы мы ни были, заёмные притязания — наш изъян — всегда малозначимы, ненужны и тщетны рядом с нашей личной Истиной. Они мешают нам быть искренними, и это ставит под угрозу всё хорошее в нас: эта власть посредственностей живёт только низменным.
199. Невинность может быть защитой, а не восторгом или приключением. Но не гордись собой, ибо надлежит тебе пасть.
200. Смерть необходима для прощения...

201. Справедливый защищён от многого в себе: он слишком многое ненавидит.
202. Ложные мотивы лежат в основе нашей праведности, и обвинение других становится нашей пищей.
203. Старость — наша лучшая реклама: она испила яд многих вещей и уцелела.
204. Убеждения, которые мы вывели сами, для нас лучше всего, истинны они или нет. Любое убеждение освящается убеждённостью и подтверждается результатами.

205. Лучшее во мне может быть худшим в тебе, и наоборот.
206. Если смерть есть наше преобразование, то она есть и долгий срок забвения; перерождаясь, мы редко помним, кем мы были.
207. Вдохновение — единственный случайный дар Души.
208. Сексуально истощённым нужна только смерть.
209. Когда я чувствую природу, я чувствую присутствие истины: в просторах, в перспективе, где обитает моя Душа. Там не-

АПОКРИФ

чего стыдиться, нет ничего показного или насмешливого. Лицом к лицу с этим величием я стыжусь своего ложного стыда и притворства, ибо здесь «Я есмь», со всей моей значимостью.

210. Иди туда, где ты склонен пролить своё семя; так говорит Сатир.

211. У Души нет иного языка, уровня и ценностей, кроме своих собственных, но она отвечает на истинные порывы.
212. Чтобы перестать быть прямолинейным, есть единственное решение, но наши умы накопили клише: придуманные, заимствованные или унаследованные, в основном ложные. Остывшие таким образом — не пределами языка или немотой, — мы тершим неудачи через ложь и полуверу, из-за страхов, порождённых ростом в тесноте, из-за следования невдохновлённым шаблонам, и мы теряем свою страстную способность к творчеству, приняв лёгкие конвенции, идиомы и дрянные подражания.
213. Мы любим и ненавидим себя только при помощи других. Да спасут нас небеса от поисков одних только наших подобиий!
214. Жизнь есть сила, становящаяся выбором самосожалений; наш путь через хаос — как быстро он страшит. В ужасе мы кричим о спасении и скатываемся обратно к

заботе и опеке. Нет выхода иного, кроме как вдыхать человеческий запах, трогать волосатую плоть: искать снова приключений... и преступать.

215. Механизмы компенсации часто требуют противовеса, дабы сбалансировать или завершить их, как это бывает с характером или темпераментом: идеальный союз — мужественная женщина и женственный мужчина.
216. Справедливость — стабилизатор вечности.
217. Беды человеческой среды — дело рук самого человека: безответственное перекладывание полномочий, дабы отсрочить свою ответственность.
218. Неоценённый талант становится безжизненным и распространяет заразу самоснисхождения — жалости к себе, которой страдает в одиночку.
219. Важность заключается в вещах «как сейчас». Плоть существует для того, чтобы её использовать. Она во всём, и всё будет чрез неё. Все эманации являются через плоть, и ничто для нас не реально без неё. Душа вечно непознаваема, ибо мы можем познать только конечную форму в пространстве-времени. Таким образом, всё, что вы относите к немислимому, есть ваше Это как мыслимое. Ум и его великий поток мысли определяют всё и делают мыслимые вещи возможными. Этот мысленный поток преломляется в заключениях Души и нас самих, в нашем чувстве времени — в образах и символах, которые вдохновляют нас через внутренние связи, — и наша реакция определяет наши будущие добро и зло посредством мысли, связующей все вещи, минувшие и грядущие. Боги ли создали нас, мы ли создали их, — нет в том иного значения кроме целесообразности.
220. Если мы всего лишь автоматы великого «Ид» (страсти) с предопределёнными путями, аморальные, наделённые фаллической грандиозностью и отпущенные

- дрейфовать среди волн, я закончу истерией и параличом: таков закон изменения.
221. Оказывать наши так называемые услуги другим — настоящее «как бы».
222. Неважны причины и цели вещей, или их «почему», «куда», «откуда»: они зачаты в Вечности, а наше понимание рождено от Времени. Ваша добродетель — верить в себя как в свою суть, то есть как в индивида, создающего свою индивидуальность: *Cogito, Ergo Sum*¹.
223. Живая убежденность преодолевает всё, и она одарит нас средствами к этому.
224. Время не есть отдельное измерение, но чисто человеческое и произвольное изобретение меры через сравнение; однако время интегрировано в нас и во всё вокруг в качестве меры нашей протяженности и необходимого способа постижения и познания нашего «тесного угла».
225. Когда все перестановки и сочетания Форм достигнуты, перейдут ли измерения? Настанет ли последняя неизбежность, и Время войдет ли в Вечность?
226. Жертвование — первый долг любви к себе.
227. Наша цель и полнота самопознания — наше существование ради других, но десница слабости ведёт нас ко злу.
228. Трагедия любви в том, что она даёт нам возможность любить в одном человеке то, что мы должны любить во всех.
229. Избавление от сдерживающих убеждений с помощью перенаправления и замещения даёт избранный уровень, настраиваемый на новую Идею, и становится матрицей для одержимости. Сдавленное пространство и вынужденное молчание — предзнаменования чреватости этим событием.
230. Преднамеренно задержанное удовлетворение нужды во время насыщения другого намерения имеет большую выгоду для заинтересованного лица, чем немедлен-
- ное удовлетворение. Нужды, удовлетворяемые мгновенно, нередко рожают неудачи, принося вырожденное потомство.
231. ...И помни: ты перетерпишь всё и будешь терпеть снова, пока не будет в тебе достаточно терпения, чтобы принять всё и вся².
232. Нечто существует лишь тогда, когда имеет с чем-нибудь сходства и взаимосвязи, пусть даже скрытые.
233. Я убеждён в силе убеждений.
234. Ничто так не затратно, как принципы: их поддержание зависит от нас самих.
235. Грёзы — наша самая дешёвая роскошь.
236. Что бы мы ни утверждали, мы никогда не почитаем одного и того же бога долго: желания меняются.
237. С незначительными доказательствами мы вырабатываем смыслы и суждения и возводим догму, будто наши предположения суть оценки, противоречащие нашему непосредственному опыту. Бездумные утверждения или тревожная экспрессивность встречаются слишком часто, и никто не воспринимает целиком смысл или последствия частичных заявлений или обобщений. Большинство выводов — лишь сентенции, нуждающиеся в бесконечных оценках.
238. Ограничение налагает границы, которые для исследования плодотворнее, нежели блуждание без цели; нужен период разучения, дедоктринации, дематематизации, переоценок, новых ступеней и направлений, новых категорий оценок и смыслов для возможных и вероятных Идеалов.
239. Идеи возникают под влиянием сильных контрастов и нашей потребности в сильных ощущениях. Без отрицания наша реальность стала бы анемичной и линейной.
240. Я знаю слишком многих богов... но меньше всего знаю себя самого. А те, кто говорит бойко и со знанием дела о Боге (предполагаемом Абсолюте), кто знает

¹ (лат.) Мыслю — значит, существую.

² См. № 735.

пути его воли, желаний и прочего, прикованы к своему несовершенству. Наверное, стоит только произнести слово «Бог», как оно преумножает всяческое нечестие. Почему они вообразили, что Бог нуждается в придании ему человеческих атрибутов, — тайна столь же глубокая, как и пучина их невежества: что, если этот «Бог-полудурок» не желает подражать нам и тем самым позволять нам взамен подражать ему? И потому мы создаём гибкого Бога, дабы торговать с ним... и подсунуть подделку. Тот хлам, тот мусор, что выносит волнами — верно равен человеку. Если мы созданы по образу Божию, то мы знаем руку творца — старое зеркало самовывдвижения; так мы и творим. Однако мы должны стать мастерами и ковать эту странную монету; бросовая или полновесная, она, верно, будет иметь хождение. Всё, что бы мы ни задумали, вторично и неведомым образом следует некоему велению богов: может, это обмен по художественным достоинствам?

241. Это мир переживания, переубеждения, переоценки, выживания всего нестойкого изменяет свою форму и пересоздаётся. А эта шумиха вокруг реальности — в нас ли, где-то ещё, — мы так оглушены и смущены обманом логики и бессмыслицей, что даже не знаем, о какой реальности говорим. Но, что бы мы ни имели в виду и ни подразумевали, мы не в состоянии исказить того, о чём не знаем ровным счётом ничего.

242. Как мы вообще можем что-то знать? Кто сообщил нам об этом и откуда оно пришло? Воспоминание ли это, проявление ли скрытой памяти? Наш разум связывает нас с тем, с чем пожелает: настоящий момент — с предшествующим процессом или чем-то ещё более давним, — и мы можем воссоединиться, находить взаимосвязи и испытывать их снова, добавляя к накопленному опыту.

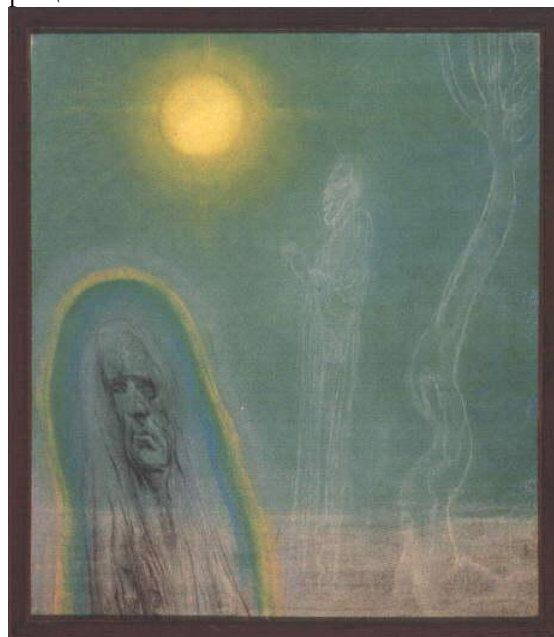
243. Мудрость приходит из подсознания; все мы в той или иной форме испытывали «вдохновение»: то странное чувство, что доходит до своего пика, дабы воспылать новой идеей, рождённой из наших склонностей.

244. Абсолют тщетен и бесплоден, если в него не верят. Что есть Истина? Этот вопрос налагает цветовую слепоту; лучше спросить, есть ли Истина несвязанный факт, предмет или абстракция, — ибо мы не мыслим её как многочисленное, разнообразное, универсальное или сложное, но всегда как абстрактное. Ибо есть много видов истины, и все наши истины получены на основе отрицаний: что не имеет начала — не имеет становления; что не имеет формы — не имеет смысла. Истина исходит из всего минувшего, настоящего и грядущего, что есть в наших помыслах, и потому она относительна. То, что истинно для меня, может не быть истинным для вас, а что истинно сейчас — перестать быть таковым позднее, или в другом времени и месте; следовательно, истина имеет по-

ложение в пространстве, времени и в «пространстве-времени истины». Есть истины, кои мы создаём из наших реалий «как бы» — среды, характера, темперамента, обучения и иже с ними. Истина также рождается от наших явных и тайных убеждений, и потому неискренняя истина приводит в замешательство. Истина может быть порождена одержимостью, верой или некоей преданностью: это «личные истины», «как бы истины». Я утверждаю, что всякая ложь верна в подходящее для неё время и в подходящем месте, и это можно назвать «сидерической истиной». «Абсолютная истина», если таковая существует, непосредственна, мгновенна, она уже вчера, — но так не бывает. Вся действительность, вся жизнь, все истины принадлежат вчерашнему дню, а завтра будет началом нового «вчера» и даст «замещающую истину»... но меня тошнит от всех категорий, номинализма и всей чёртовой науки, так что хватит об Истине, и, как Понтий Пилат, я умываю руки. Уж слишком много во мне истины...

245. Ибо я есмь сущий: посему истина принадлежит мне: мой сфинкс, мой конфликт, мой хаос, мой вихрь — несозвучный никаким ритмам, непересекающийся ни с какими путями. Я есмь призма между чёрным и белым: моё единство в двойственности.
246. Загляни в своё прошлое, дабы узнать своё будущее. Недальновидно было бы ограничивать свои убеждения, не зная своих конечных возможностей. Однако выражение ограничено пределами некой техники, средств и форм, сколь разные усилия мы бы ни прилагали.
247. Наши величайшие мысли и воления автоматичны по происхождению: глубокий всепроникающий смысл окажется исчезающим всеведением — нетворящим в творении; так солнце никогда не требует, всегда отдаёт, живёт вечно, ибо

всё, что оно берёт, оно возвращает сто-рицею.

248. Это есть зеркало разума, и через нас природа проводит своё разнообразие. Её безграничные знания повелевают всеми нашими идеями, идеальны они или упадочны.
249. Необъяснимое в красоте, потаённое в вещах — не их известные смыслы — даёт им свои чары.
250. Озарение говорит о сущем с помощью символов и является чистым видом связи — видением: кое о чём можно сказать лишь в безмолвных схемах — взаимосвязанных формах, беременных смыслом.
251. Всё сущее обречено: искупление нашего прошлого, добро и зло вознаграждаются последствиями. Провозглашение веры ничего не стоит, если не является добровольной жертвой через служение нуждам других, с помощью которых мы удовлетворяем наши собственные и меняем наше будущее: Рок.
252. Внутри или вовне, ничего не явно. Природа открывает свои методы и средства без спешки: смыслы и мотивы неведомы нам и, полагаю, угадываются лишь по нашим желаниям.

АПОКРИФ

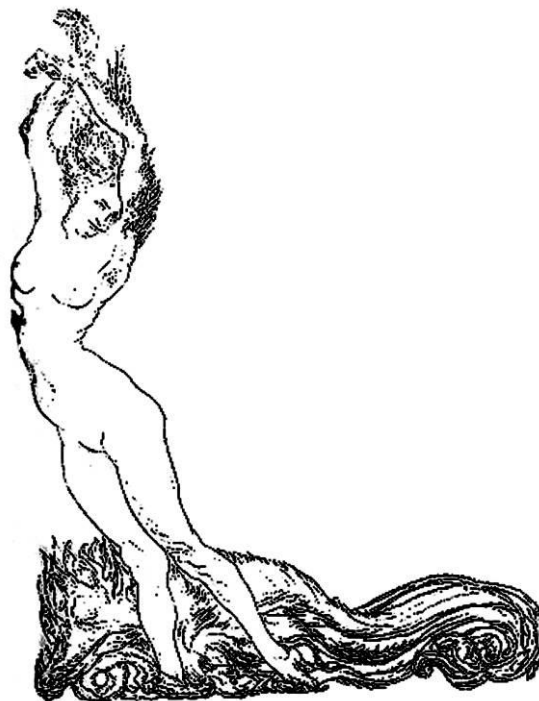
253. Ценность художника — в его понимании того, что всё имеет свою красоту и значимость, а также в претворении своих замыслов в «зримую» реальность, вместе с тем фантастичную: в превращении лжи в правду.
254. Видеть себя с открытыми глазами — вот проблема, как и изучить наше конечное соучастие, глубоко встроенное сейчас в один слой внешней среды за другим: нет ничего, чего нельзя было бы вспомнить.
255. Естественно, Жизнь и Смерть питают друг друга — постоянное обновление, — так почему же мы боимся, что снова станем тем, чем стремились стать?
256. Слова и их значения способны изменить лишь немного: их звуки постоянно скрывают содержание, не связанное со значениями, которое мы им придаём.
257. Поддельное, украшенное дешёвыми побрякушками — вот принадлежность педантичного ума, и — Берегитесь, Подражатели: вы всё ещё псы своих господ.
258. Хотите спастись? Мой совет: Держитесь подальше друг от друга и от худшего в себе: наши атрибуты всегда дурны.
259. Талант есть страстное долголетие: великое Искусство даёт... а лучшие умы неустанно отзываются.
260. Природа — единственная традиция, неподвластная критике.
261. Судьба носит странные одежды: причины великих перемен часто выглядят поверхностными или беспорядочными.
262. Если бы мы ценили только то, что считаем истинным, нам нечем было бы наслаждаться.
263. Наши глубочайшие чувства нередко облечены в сантименты самого дурного вкуса.
264. Будь осторожен с тем, что выбрасываешь: освободившееся место скоро будет занято.
265. Верю ли я в себя? Оглянись вокруг! Могу ли я быть столь легковёрным?
266. Воспоминания, восставшие из наших отсталых сует, наполненных опытом, бесконечны: Знание отстаёт во времени.
267. Мы страдаем из-за нашего малодушия и полупреображаем, полупревращаем своё желание в неудачу.
268. Путь для тебя обычно коварен и опасен.
269. Мы часто убивают себя, отравляясь: Рок быстро следует за нашим принятием вещей, чуждых нашим врождённым эстетическим ценностям.
270. Дилемма, стоящая перед искателями Неизвестного (Самости и Истины), в том, что, найдя, они никогда не узнают его.
271. Добившись на некоторое время успеха в жизни — в чём-то, чего мы, видимо, и никогда не желали, — должны ли мы добавлять к этому бремя благодарения?
272. Ты не можешь добиться чего-либо от себя, но только с помощью себя.
273. «Личная истина» рождается слиянием воедино Воли, Желания и Убеждений. Благодаря этой страсти Душа приближается и простирает своё всеведение над нами с помощью вдохновения. Никто не ведаёт цели жизни вне Эго... Мне достаточно стараться быть человеком: с твёрдой верой в богов, поощряющих моё стремление к большей независимости.
274. Время сверхчеловека прошло; непокойные могилы суть руины классического великолепия, которое не может в полной мере уничтожить человеческий вандализм. Их традиция живёт. Они тоже воскресают, а их посланцы выступают вперёд, словно исполинские тени, и вновь живут в великих художниках Прометеева пламени, рождаясь заново. Вот примеры: Микеланджело, Рабле, Вольтер, Бальзак, Сервантес, Шекспир, Свифт, Дарвин и иже с ними.
275. Мы, искатели — знаем мы или нет, что мы стремимся найти, — выглядим так, будто нас насильно растащили по разным путям, и всё так же, всё туда же малят неотвратимые тупики: к больной и усталой жизни. Другие пути, грубее, ве-

дут тех, кто стремится к новым удовольствиям: воистину, они направляют жизненную силу, никогда не впадая в ложный пафос, в жалость к себе, — и глаза их открыты в ожидании бедствия или хаоса. Смелого не тревожит ничто.

276. О боги, вы ничего не молвите? Мой тревожный сон говорит, что вы молвите обо всём; или я неправ?
277. Попытки превзойти реализм: эта скудная энергия цветёт сорняками нелепости, а полнокровный реализм выдвигает на первый план жизненное, простое. Здесь спасает самоограничение: «как бы» возвращаясь к нашей архаичной невинности, дабы расцвести новым сюрреализмом.
278. Если бы мы только обоняли! Палец манит — сочащийся похотью косой взгляд; мы, вождедея, ковыляем окольным путём, дабы схватить размалёванную девку. Все сомнительные подозрения тают, и мы просыпаемся — обручённые с недужным злом...
279. Сдаваться, сдаваться, — бормочет трусость. Ползти по чужому потолку? Ехать на чужом горбу? Так глумится моя усталость. Проснись, уничтожь свой чёртов Ид или скачи на нём, пока он не околет.
280. Я никогда не меньше чем я есть, но всегда под подозрением.
281. Все будут твоими, — молвит разум, — то есть все, кто «желает праведно». Те, кто жертвует всем — ради единственной цели, благой ли, дурной ли, — обретают власть и грозное оружие слова.
282. Мудрый часто сбрасывает свои знания, как змея кожу, выправляет свою мешанину условностей и возвращается к простым основам. Мужество придаёт его глазу непреходящую остроту, и его новые уровни — словно ступени. Он вновь меняет курс косыми бесцельными шагами, новой асимметрией, динамикой, сложностью и едва балансирующими, словно канатоходец, композициями, ни-

когда не изменяя своему необходимому диссонансу.

283. Есть эгоисты, которые, будучи затронуты «домашней истиной», становятся беспощадно чёрствыми и мстительными или истерически обвиняют вас в своих неудачах: неизменные выскочки с их недостатками.
284. Любовь ко всему есть объединяющая красота: в ней нет ни ненависти, ни желания обладать; её закон есть её причина. Страсти можно контролировать, но мы любим сильнее всего невольно, под диктатом склонностей; посему принимай любовь, где бы ты ни нашёл её. Но узнать её трудно, ибо она молчит.

285. Все наши отрицания — даже себя самих — происходят из неприятия: нереализация иного в себе, Абсолюта — в неабсолютном.
286. Встреча с реальностью: влияние плоти на плоть всеми алогичными средствами есть самая логичная из вещей.
287. Наши действия, которые мы стремимся скрыть, оплачиваются нашими будущими уродствами: воздаяние нашей собственной кровью.

АПОКРИФ

288. Будучи эмоциональной разрядкой между двумя, секс становится соблазнительным, и соитие должно воспоследовать.

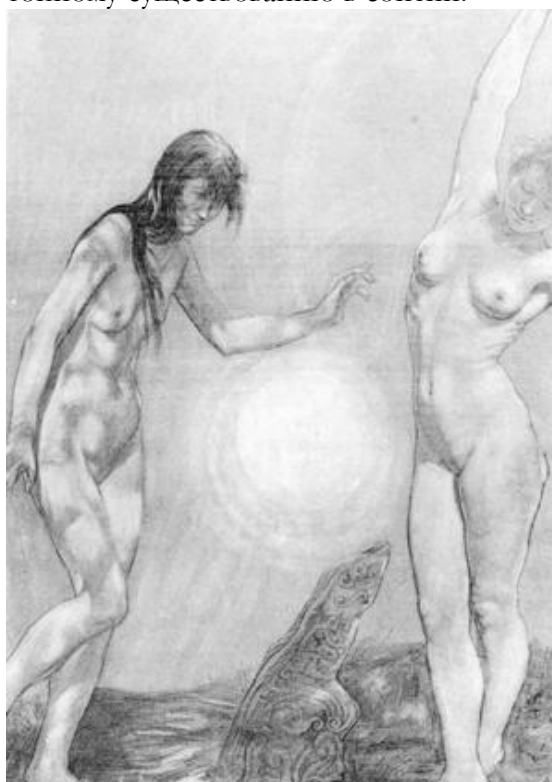
289. Непонимание ли Самости, определяющее злую волю человека, создаёт разрушительный закон, которому человек подчиняется вечно?
290. «Я желаю» — это вся жизнь. Страсти рождаются из необходимости посредством искреннего убеждения и стремления к воплощению, но при этом всегда порождаются измышлениями о реальности. Таким образом, Человек творит свои представления из собственных же представлений о душе, из своего желания обладать ею, и они становятся его психической плотью. «Как бы» в конечном итоге становится его собственной реальности, но вы никогда не узнаете в ней ваше творение, так как Человек уже обладал Душой и создал эту, иную, из своих предположений, никогда не отделяя одну от другой. Поэтому Это рождается дважды; отсюда же — наша двойственность.
291. Абсолют, должно быть, стал чем-то отличным от себя, поскольку он самодостаточен; он есть и его нет, он ни вовне, ни внутри, ни мой, ни чей-то ещё: он «Ни-Ни». Если я говорю «он один про-

изволен», это тоже будет спорно, и всё, что мы можем утверждать — всего лишь предположение, в котором «нет необходимости». Я называю это «все способности невозможного» (мыслимого).

292. Встретиться с воинством, — о да, и даже умереть; насладиться выбранным местом битвы; воодушевить нашу встречу, как праздник; поприветствовать других, как себя самого, — вот какова должна быть моя любовь. Ибо, когда я сталкиваюсь со своей душой, я наг, как в смерти. Посему ликуйте ныне во всех своих сферах действия.
293. Ид создали новый «высокий штиль», который воплощается через достижение неэтического Идеала с идеализированным Уродством как эстетикой, ставшей творить больше, чем боги.
294. Душа освободила Разум — форму первую и пространственную. Воображение и ритм, механизм этой высшей основной гармонии — нашего экстаза, — непрерывны, ибо они суть вспышка реальности. Всё, что мы переносим, проходит путём гармонии, и воображение одарило нас.
295. Фигуры и формы наших не слишком обдуманых выражений стали олицетворением наших абстрактных эмоций — последовательности напряжений наших чувств.
296. Что бы мы ни призывали и ни приняли, наши мысли должны обратить меня в метафору путём известной тавтологии, раскрывающей наше малоизвестное отношение к существу.
297. Характер есть измеримый результат изменённых или контролируемых страстей. Талант выдаёт наши эмоциональные психические союзы.
298. Соединение априорного и апостериорного создало Полусознательное.
299. Пути Эго — через влияние, затем осознание, действие, эмоциональные связи и, в конечном счёте, детеретизацию нашей самооценки.

300. Всё ли во мне? Я ли во всём? Все вещи стали эманациями Эго, но я должен оставить своих родителей и продолжать путь один.
301. Идеи всех вещей есть несвязанные истины, ибо связанные познания становятся тварными, неуниверсальными, относительными. Ваза имеет пространство внутри, но это всего лишь форма, обертывающая некое пространство внутри пространства. Истина проявляется разнообразно, а наша собственная Истина — в сложном преломлении, шиворот-навыворот, всегда иная, а не как она есть. Таким образом, наши помыслы всегда частичны, а наши отклонения определяют измерения нашего познания. Почва абстрактного человеческого чувства и таланта есть врождённый атавизм, создающий потенциал и завершающийся в идеальном.
302. «Подобное» первым признало различия, и только затем — подобия. Эмоциональный контакт излил поток, позволивший нам везде увидеть взаимосвязи и — побуждение к новым подобиям в том, что было несхожим.
303. Магическое действие есть удар молнии, высеченной из чьих-то страстей обучением желаний.
304. Кто может знать своё полное подобие, если столь многое сокрыто? Астрал, Элементали, Разум, Душа? Мы понимаем что-то в механизме тела и эмоциях в целом; об их взаимоотношениях мы можем только догадываться. Каждый обнаруженный факт просто всё больше показывает нам незнание самих себя. Итак, не говорите о Боге, говорите о себе: когда вы познаете себя, вы будете знать своих богов.
305. Пенящееся подростковое тщеславие, что процветает без удержу, нереализованное из-за пустых желаний, задерживается и жестоко ранит как подмена реальности — вечно меняющееся движение нелепостей.

306. Не связанная ничем жизнь становится глубоко приверженной конечным результатам, которые будут воздаянием (добром или злом); все оказываются в ловушке этого иронического парадокса.
307. Нет ничего ненужного; посему должны и могут существовать лишь те вещи, которые мы сделали необходимыми для себя: в угоду не нашим логическим / моральным стандартам, но нашим нуждам и ценностям, благодаря «как бы».
308. Разрушительная страсть не ведёт к достойному существованию в сонтии.

309. Единственное, что определённо известно, — великая неопределённость забытых обязательств перед собою.
310. Если подменить реальное, или «как бы», неподходящим, оно приведёт лишь к нестабильности из-за неудовлетворённости.
311. Не говори о непостижимости Бога: я непостижим, но я не бог.
312. Ощущения есть воздействия фаз космической энергии: существенные или нет, но в основном болезненные.

313. Общение с вашим Ноуменом происходит «как бы» через Эго благодаря сомнительной символической. Даже с убеждённой силой великой не достичь единения с Душой или Ноуменом, ибо они вечно на засове. Зачем начинать с фальшивых убеждений? Ваши союзы заключаются с идеями о них.
314. Первым законом была двойственность, определённая повторением с отличиями; ибо всё рождённое происходит от себе подобного. Причинно-следственная связь есть последовательность сущностей, становящихся всё менее и менее схожими, пока, наконец, они не обретают неповторимые отличия от первообраза и друг от друга.
315. Древнее универсальное (преломляясь через разум и чувства) обретает лицо как Эго, всё более и более проявляющееся через всё возрастающую сложность материи как тело-сущность. «Двойственность» Души, Разума, Эго и Тела с их неточным подобием друг друга ошеломляет и озадачивает нас.
316. Эго есть наша душа, принадлежащая сама себе. Хотя она зависима, прикована к телу, заточена в клетке измерений, иногда мы всё же получаем способность к экстрасенсорному восприятию, которое показывает, что нам «нет нужды» быть слугами, но что в конечном итоге мы обретём свободу.
317. Незрелое Эго нестойко, своевольно, противоречиво, подобно сражению за душу и лишено богочеловеческих способностей.
318. Разум даёт функцию, определяет, одаряет и покровительствует Эго через тело, посредством которого оно должно реализовываться. Поэтому взаимодействие Эго с телом соответствует, скорее, не уму, а телу.
319. Достигнет ли Эго в конечном счёте освобождения от «тела» или создаст его по своей собственной нужде — альтернативы не более невозможные, чем любые другие нереализованные возможности. Поистине, невозможное повсюду: одно наше отношение уже делает нечто невозможным.
320. Великая сокровищница, в которой жизнь возникает путём эволюции... именно так наша сознательная сущность впервые затрепетала как Эго. Оно не возвращается к своему источнику, сколько бы ни распадалась «материя». Ибо Эго должно стать независимым, стать своим повелителем. Душа, Разум, Тело и всё, что Эго должно зачать верным образом, не должно творить. Откуда я знаю? Силу иногда берут взаймы: моим желанием было Знание, но затем молниеносное совпадение принесло мне удивительные видения высшего Эго. Я знаю: связанный языком, я не могу пересказать всего; быть может, сутью связи с ним будет ваша созвучность с собой.
321. Если события предсказуемы из подсознания (что я и утверждаю), то как я и мне подобные могут примириться со «свободой воли» и «фатализмом» или «детерминизмом»? Начнём с того, что человеку предопределено его добро, зло и прошлая история, но внутри него есть потенциал для усилий, направленных на свободную волю и независимость. Например: мне предназначено отправиться в определённое место. У меня есть некая степень свободы: я могу выбрать направление и даже отложить событие, но я должен идти. Очевидно, что люди, живущие добродетельной жизнью, направляют своё будущее и свою возможность свободной воли.
322. Есть форма ощущения, которая объяснима только через гармонию всех эмоций, когда все противоположности связываются воедино и мы «всем существом» переживаем прилив чувств; такое состояние допускает возможность экстрасенсорного восприятия.
323. Одновременное распространяется в пространстве, в результате чего наступают

неведомые синхронные сверхбеременности с их малопонятными послерожде- ниями. Так человек становится фатально связан не только известными, но и неиз- вестными обязательствами.

324. Ничто не полно и не завершено, и всё сущее — могучий океан, вечно возрождающейся, снова и снова удовлетворяющийся и открывающий малое — в котором мы вынуждены хвататься за соломинку Эго, ибо оно есть наш плот для путешествия в Вечность.
325. Все мысли предполагаются из других предположений, существующих в реальности, в отличие от Реальности; иначе было бы неизменное иррефлексивное «ноль плюс ноль».
326. Убежденность предпочитает своеобразие, но должна работать посредством сложных страстей.
327. «Это прекрасно!» Разве эта похвала — не развратная форма совокупления?
328. Мы должны принуждать к тому, чтобы нас воспринимали благосклонно, только в нашем воображении. Прелюбодействуй в уме, сколько вздумается: это означает здоровье.
329. Ошибки жизни становятся удобрением в смерти.
330. Субстрат человеческого познания есть неизвестный врожденный силлогизм, создающий наши формы. Область чувств выходит за эти рамки, до границ идеала. За ними лежит случайное-причинное-архетипическое, абстрактная область постижения волевым усилием, соизмеренным с нашим талантом.
331. Разум раскрывается силой неумолимых привязанностей, ставших необходимостью.
332. Секс — единственный способ продолжения рода, и наш гилотенизм¹ меняет матрицу нашей страсти.
333. ...Эти жалкие подобию состоят из слюнявых страхов и бедных убеждений. Быть может, они — различные соотношения,

которые мы делаем для своего великого обновления? Нет, они должны происходить из пота экстаза.

334. Вот твой великий миг реальности — живая плоть! Эти запугавшие сами себя святоши, которые блеют «всё это морок», предлагают альтернативы реальности меньшие, чем бесплодные фантазии. Они ожидают слишком многого: пожинать то, чего не сеяли, удачно избежать уплаты долга, и надеются, что смерть положит этому конец.

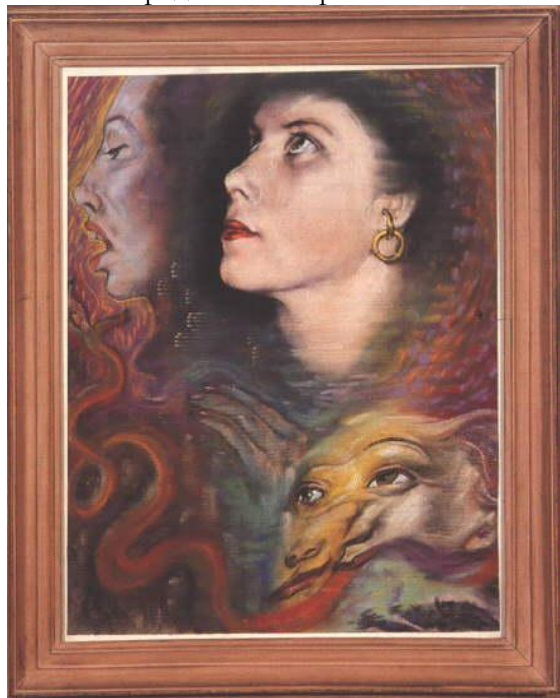
335. Знай себя: такое знание открывает малое, но излишнее. Потаённое и неизвестное сродни друг другу, они вездесущи и в значительной степени подавлены.
336. Не верь человечество всем учениям сразу, давно достигло бы Справедливости.
337. Нередко сны — лоскутное одеяло из надежд и опасений, ищущих воплощения в воображаемой реальности, — лучшие из волений.
338. Человек есть возможность всего, что становится действительностью: наименьшее и наибольшее. Ищи свой путь

¹ Гилотенизм — учение, признающее божеством материю.

АПОКРИФ

через сущее в желаемое или то, что считаешь должным, ибо день великих перемен всегда рядом — для избранных.

339. Есть высшее предчувствие, дарованное тем, кто возвышает свою страсть до красоты как предельного прагматизма.

340. Так много конечного, но всё оно возвышается до Авто-Эго¹.
341. Если есть «примат практического разума», то, судя по «результатам», он стал собственным хохочущим полтергейстом...
342. Мудрость есть застой, знание же вечно-изменчиво, непостоянно, никогда не окончательно².
343. Что есть я?
Я есть всё то, что я помню, объединённое формой, ибо некогда я был полнотой и абсолютom.
Что есть Эго?
То, чему придал я вещественное бытие эмоциями моего прошлого опыта.
Что есть окружающий мир?
Мои прошлые и будущие личности, зримые и незримые.
Что всё это значит?

¹ См. № 14.

² См. № 1.

Всё, что я пожелаю.

Для чего всё это?

Для самоудовлетворения в бесконечных союзах и равных им разделениях, необходимых для сохранения разделённости.

Что есть смерть?

Великое изменение к моей следующей самости.

344. Завершения не существует: всё возникает из того, что уже ушло, ибо меняются пределы, установленные нашими ценностями.
345. Будь уверен: ты не испытаешь того, чего не желаешь, если только тебя не принудило к этому твоё прошлое зло.
346. Творчество есть постоянно расширяющаяся энергия, а не завершающаяся работа; бесконечное сжатие менее мыслимо, но происходит схожим образом. Пространство прирастает с мыслью, время — с Эго.
347. Ничто не существует, если не закреплено в материи, поэтому мечты и абстракции столь же реальны, как и всё остальное.
348. Характер формы определяется содержанием её возможностей и функцией. Добро и зло должны быть прочувствованы прежде, чем они станут реальностью. В эмоциях, понятых абстрактно, нет никакой мыслимой пользы, если только они не связаны с некими благами нашего бытия, и всё бытие в некотором роде благо для эмоций других.
349. Мы стремимся постичь сходства и различия вещей — их способность к соединению или что-то в этом духе, — но сверхчувственные влияния ума тайно передают их смысл в символах, а затем внушают нам интерпретировать их величие.
350. Природа — необъятное отражение того, что внутри нас, иначе как бы мы узнали о ней?
351. Мы остаёмся такими, какие мы есть, пока не сталкиваемся с другими потребностями. Ум пьёт от полноты впечатлений,

- непонятности, трепещущих сущностей. Несовместимости, ранее забытые и похороненные, возродятся для великой погони за единством в новых ритмах и структурах, которые позднее превратятся в культивируемый процесс.
352. Вместо того, чтобы управлять нами, наши запреты зачастую саморазрушительны: они отрицают творческий акт страхом исполнения.
353. Выговориться о своих психофизических проблемах, но ничего не сделать для устранения их причин — слишком легко, и в этом можно винить общество. Нельзя спастись в эскапизме — ковке всё новых и новых цепей для предотвращения самоубийства.
354. Если я не могу верить в бесконечность Эго, каким бы нестойким оно ни было, во что мне верить?
355. Не бывает целого без наших особенностей и усилий стать более важными и более всесторонними.
356. Наша уверенность убеждает тех, у кого её мало; внушение мощнее по выражению, чем формальные наставления.
357. Никто из нас не знает своих границ без чёткого их обозначения; неправильное применение, средства и идиомы виноваты в этом больше, чем отсутствие способностей.
358. Мы должны настойчиво требовать зачатия наших мыслеформ: завершающая фаза — критика, пересмотр, отказ.
359. Умственная деятельность стимулируется чем-то сексуально привлекательным, но страсть легче тратится, нежели копится.
360. Кое-что с течением времени начинает возвращаться к прежнему состоянию; мы желаем долголетия без его недостатков.
361. Узнавайте ложное и эфемерное по их свойствам — лени и подражательности. Неудачи объявят о них и охватят их, подлинное — будучи необъявленным, пропущенным — с самого начала оценивается ошибочно.
362. Если бы мы могли рассказать правдивую историю о себе, она состояла бы из наших эмоциональных перемен и оценок, формирующих характер путём конфликта темперамента, опыта и окружающей среды.
363. Часто мы стремимся к истине лишь для того, чтобы устранить наши ошибки. Искренность остаётся, но имитация нуждается в постоянном пересмотре.
364. Мысль является отражением, а все идеи в уме возможны только при существовании прототипа.
365. Постоянная переделка себя весьма важна для высших позиций. Когда мы объединяем нашу страсть с объектом, это становится нашей точнейшей концепцией реальности. Зачатие адекватнее как способ воплощения, нежели иные отношения, поэтому реальность воспринимается как нечто преходящее и ограниченное.
366. Изъяны нашей памяти плюс воображение порождают силы, стремящиеся раскрыть больше символических узоров.
367. Не напрасно стремление к реальности в невоплощённых помыслах, и, лишённое страха, оно становится великим мастерством.
368. Человек есть бесконечная способность создавать возможности: не считая его средств, необходимость — фактор ограничивающий.
369. Всевозможные знания не обязательны, но способность их получать необходима для достижения мудрости.
370. Непогрешимость — в фундаментальной простоте.
371. Всё на свете связано обоим полюсам, и одиночество невозможно.
372. Необходимая склонность любить всё вокруг ненадолго — подобна отравлению.
373. Мы не понимаем таинственную жизнь, которой живём, множественность вещей и единственность Эго. Какой бы ступени мы ни достигали, мы делаем это посредством единств. Связывая себя — неиз-

вестное, отдалённое, — всё ускользающее от геоцентрических представлений представляется более значимым.

374. Реальность, которую мы знаем, взаимосвязана с неким незримым замыслом, который нам ещё предстоит разгадать.
375. Сверхчеловек становится идидотом, провозглашая: «Я есмь Закон». За пределами себя он опасный лунатик, ибо ведёт слепых.
376. Красота и идеалы должны быть сильными общественными страстями, а не украшениями, спрятанными в ларе.
377. Мысленная очистка смыслов весьма важна для более живого потока мыслей, формирующего наши способности.
378. Человек должен стать, прежде всего, реалистом, иначе он останется дураком. В жизни бывает время, когда всё становится нереальным и зловещим; переходный этап, становящийся для нас новым уровнем жизни. Следует принять решение, сделать выбор о нашем существовании, стоя лицом к лицу с собою: не с абстрактным или логическим, а с тем, что от нашего врождённого добра и зла.
379. Материя меняется, испаряется, истончается, связанная с нашими орудиями динамического расширения — орудиями нашей одержимости.
380. Всё течёт, ничто не стоит на месте, но наши истины неизменны, и различия из-за движения кажутся противоречащими нашим внутренним связям.
381. Идеи более плодотворны, когда мы боремся за неизведанное, чем за уже известное.
382. Мы забыли о первостепенной значимости Небес, ибо переступили через свои действительные нужды и вышли в мир, провозглашая доктрины спасения, как шарлатаны со своими «панацеями».
383. Красота, которую мы претворяем в жизнь, соответствует уровню нашей силы, и трудности, которые мы преодолеваем, есть мерило нашей живой выразительности...

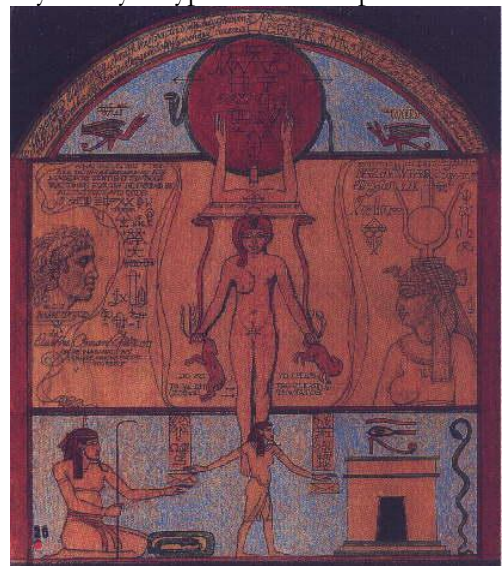

384. Чувство (наше полное выравнивание эмоций) есть посредник между человеком и его жизнью, это и всем, что соединяет его с умом-душой. Общее право бесконечных взаимосвязей всё ещё свободно, оно укрепляет, вдохновляет, становясь неутомимыми поисками Истины и Идеалов.
385. Жизненная Сила есть величайшая логика, которую мы проглядели со своей слепой этикой.
386. Ложь расширяет свои владения, а её заблуждения ограничивают: словно двери, закрывающиеся перед настойчивыми просьбами Разума, — и великолепная фигура искусства превращается в уподобное колдовство.
387. Мы уже давно знаем то, что рядом, не ведая о его родословной. Это получает больше опыта, узнавая о различиях, чем о сходствах. Оригинальность выражает наше удивление перед тем, что мы скорее чувствуем, нежели понимаем.
388. Тело — органическое знание с тайными подписями его получателей, к которым мы добавляем собственный неуверенный парафраз.
389. Мы не живём вечно, но ищем познания вечности.

390. Мистик есть тот, кто получает больше опыта, чем способен выразить.
391. Когда мы не творим, мы лишь косвенные причины изменений.
392. Мы строим умозаключения с помощью языка и утверждаем точную логику как взвешенное доказательство, выведенное из ненадёжных и неоднозначных идеограмм с добавлением грамматических фокусов и самонадеянных суждений. Намного лучше определения, сделанные с помощью символов и аналогий: по крайней мере, они показывают субъективные отношения между отдельными состояниями и объективными фактами. Суждения, коль скоро они вынесены, также вовлечены в отношения, которые называются «значениями» — воспомнутыми ассоциациями. Кроме того, значение вовлечено в одновременный процесс мышления, происходящий от неизвестных предпосылок или врождённых свойств.
393. Покинутые, непереваренные, забытые впечатления и идеи жаждут осуществить свою эволюцию и стать заменой своих собственных значений. Самые абстрактные мысли и мечты есть блуждания в этом лимбе символических мыслеформ; такое случайное собирание идей, как правило, идёт в направлении чего-то более могущественного.
394. Единственное, что известно нам в этой реальности — наше Эго; тезис, что где-то есть родственное Эго — что-то похожее на наше и способное чувствовать сходным образом, — заслуживает доверия, ибо всякая вещь — частица целого; посему все вещи равно важны и независимы универсально и сущностно.
395. Возрождение: новые формы, представляющие величайшее дерзновение в Искусстве. Там, где не будет новых форм, появятся новые противопоставления и наложения.
396. Объединение «Самости с Эго» происходит под влиянием наших сокровенней-

ших мыслей; Самость реальна, Эго — то, что мы понимаем в ней.

397. Обобщения эфемерны и доказывают лишь среднее «как сейчас»; исключения доказывают возможность возникновения больших различий благодаря переменам. Долговечность культур, иерархий, институтов, идей и убеждений не доказывает их общей ценности или истины, зачастую даже наоборот (сто миллионов людей могут быть неправы). Исключения, как правило, не рассматриваются. Например, старейшая и наиболее живучая из религий, древнеегипетская — законченная теология в себе, — в настоящее время не действует без священников и последователей. Она поддерживала самые жёсткие правила и ограничения, и потому эта культура осталась архаичной.

398. Если Разум есть преломление Души, то он также понимает и проявляет все зримые и ощутимые реальности и вымыслы. Фонтан нашего подсознания испускает все «идеи» с помощью этой способности к пониманию: этого зеркала, постоянно меняющегося, сокращающегося и расширяющегося, но всегда объединяющего и рождающего цельную картину. Мысль (как процесс мышления) с её способностями к анализу и синтезу есть связь Души, Разума и Тела. Сознание — его единое воздействие на материю. В

мысль вторгается доминирующий «Ид» желаний, кинетический фактор, начало постоянного кровосмешения и долгого блуда, о которых, несмотря на контроль, нам ничего не известно; кроме как, быть может, посредством назойливых символов-идей, которые становятся понятными лишь благодаря вдохновению, приходящему из этих сложных единств путём некоего иного искусственного соития. Результат становится для нас работой гения.

399. Что такое Пространство? Место появления первообразов, изменения, переработки, подготавливающее возникший замысел к рождению. Ибо в пространстве не может быть пустоты, оно всегда развивается, вытесняет, дрейфует и откладывает запасы в закрома времени как неиспользованные варианты; накапливает и переделывает, дабы отправить в плавание по потокам воздуха или воды.
400. Что есть сознание? Из наших предпочтений и неприятий, возведённых в закон, перенимает оно эстетический рефлекс наших понятий о добре и зле, формируя личную религиозную культуру, зачатую в ходе тренировки наших Ид.
401. Наша воля проистекает из предыдущих усилий и формируется ими, и потому наши последующие рассуждения вновь и вновь предопределяют нашу будущую волю, «свободную» или нет контролировать наши инстинкты путём переноса.
402. Какова связь между причиной и следствием? Ответ мы получаем благодаря следующему вопросу: что заставляет причины порождать следствия? Для примера: я хочу сделать горшок, и от идеи до создания всё, что требуется — это «материал», который определённо является посредником между идеей и творчеством. Но мы уже предположили наличие неких факторов, уже возникла некая цепь: «Необходимость» побуждала, а «Умение» приняло волевой импульс. Неважно, получен первоначальный им-

пульс изнутри или извне, ибо он связан со способностями той или иной личности. Итак, то, что мы называем «Ум», есть отвечающая нашим нуждам непрерывная цепь, соответствующая нашим возможностям.

403. Мудрость — в понимании таинственной непостижимости всех вещей. Кто бы ни был их творцом, он есть создатель, и всё, что отчасти раскрывают наши познания, доказывает это. Мне непросто узнать в чём-либо часть себя самого¹.
404. Если я зачат всеми вчерашними днями, то Это (составленное из моих воспоминаний, ставших плотью) — мой единственный светильник в мире завтрашних дней².
405. Воспоминания — призраки опыта, ищущие оживления, возрождения в нас.
406. В том, в чём Человек не похож на своих Богов, он не похож на себя.
407. Поняв себя как преломление всех прочих «я» и богов, человек в большей степени становится самим собой и ведаёт многое. Но сознательное самоотвержение делает нас автоматами нашего разочарования, предметами и инструментами, годными для блуждающих астральных потоков Клипот: «смерть» в отрицании нашей собственной жизни.
408. Я учу множественности всех сущностей — богов, миллиардов миллионов. Единство всегда делимо; «бытие» есть существенная часть сущего в вездесущем, но, по существу, ничего не достигается иначе, как случайным союзом отдельных частей, создающим их различия. Когда человек осознаёт свою обособленность и видит себя как всё существующее, его единственное достоинство заключается в дальнейшем отделении себя от остального, и только тогда он обретает мужественность на пути к Божественности.

¹ См. № 146.

² См. № 147.

409. Мои боги росли вместе со мною, и я не перерасту их; они — мой потенциал¹.
410. Не бывает окончательных умозаключений. Мы рождаемся, убеждённые в том, что существуют средства достижения конечной цели, а жизнь есть желание убеждённости. Поэтому я убеждён в силе убеждений и в том, что искренность может сосредоточить достаточно Воли для своих целей. Принять «как бы», дабы призвать из неизвестности средства трансцендентализма и магии динамических изменений².
411. Протест всегда хуже того, против чего протестуют.
412. Анафема с четырёх сторон: тёмные намёки зодиакальных знаков, эволюционно-родительские цепи, матрица среды, одержимость, порождаемая извращёнными алканиями, — так мы рождаемся, вцепившись в наследственность, у неё в рабстве.
413. Создать необходимость — вот наша выгода.
414. Миазмы Божественного суть вечное творческое разнообразие: мы есть вторжение непредвиденного, откуда берём силы имитировать творение, когда нам хватает творческой индивидуальности.
415. Субъект, понимающий Объект путём «как бы», есть вторжение эмоционального опыта.
416. Те, кто узнаёт себя через своих богов, как другие узнают через самих себя, — в какой, казалось бы, они беде, как печально заплутали они в своих тавтологических теориях. Они тоже вырастут из коротких штанишек и осознают, что чем меньше нас в иных богах, тем ближе мы к безграничной мудрости нашей плоти.
417. Душа есть континуум: все ощущения связаны и потому реальны. Континуум всех аспектов знания есть фон для осознанности, и последнее становится явным, дабы расширить наше «Я».
418. Только преломляемое «просачивается»: только просеянная квазиреальность, а не сама «вещь». Ум как вещь в себе, казалось бы, подвержен лишь раздроблению — как форме явления. Поэтому все наши знания отражаются, дробятся вместе с линейным «Я» как с сознанием, побуждающим наши способности к осуществлению. Но помимо этого у нас есть то странное чувство, которое пытается следовать по пятам, давать объяснение непрояснимому. Однако мы никогда не делаем этого, ибо скованы в измерениях и делим ложе с мадам Бог или с неверно используемым Ид.
419. Верно или неверно, вот что я думаю: то, что прежде было свободным, случайным, бесформенным, ищет произвольные законы, осаждаются во времени и пространстве с некой функциональной целью и с направлением, о котором мы можем только догадываться. Цель: осуществить все вероятности в определённых рамках, пока ещё не достигнутых. Они расширяются и высвобождают создающую страсть через необходимость осуществления с помощью сотворения. Как много или как мало того, что возможно, заключено в «мистической» вере в себя, о которой мы знаем лишь как о возможной силе!
420. Бесконечный Космос, Млечный Путь и всё прочее проявляется из человеческого тела; поэтому всё и продолжается. Нет ни альтернатив, ни различных производных. Таким образом, без истины появляются утверждения, что мы-де не происходим из собственной свободной воли (или иные). Мы не знаем: наше забвение объемлет многое. Вся наша ранняя история и потенциал — сокрытый сейчас, пока неизвестный, бывший некогда Единством, Истиной, Свободой и иже с ними, — теперь отделены, лживы, бессильны, выглядят разрозненными, — всё шиворот-навыворот. Но вечно меняющийся поток наших связей есть прилив

¹ См. № 148.

² См. № 128.

АПОКРИФ

и отлив нашей способности к большей близости со всем, что только может проявиться в вездесущем разуме и плоти.

421. Мы есть толпа: никто не идёт один, но с ужасным множеством духов, во что бы мы ни облакали их, ни отгораживались от них, ни препятствовали им. Это настоящие похоронные процессии мёртвых сугей и привязанностей, бессменная свита.

422. Мы полагаем, что мышление и способность к волеию у нас от Природы, тогда как они представляют собой условные процессы с ограниченными техниками в пределах нашего понимания: мы никоим образом не спонтанны, хотя другие силы в нас могут имитировать это, когда мы в достаточной степени достигли автоматизма.

423. Видеть себя в других: столько общего, тот же разъярённый зверь, — лучше я познакомлюсь с деревьями и заведу дружбу с травами.

424. Обычное облачение Дьявола — авторитетность под другим именем.

425. Мы знаем, что ведём родословную от всех вещей, но самые глубокие мысли, самые дикие догадки суть бесполезные ответы на вопрос: почему мы существуем. Ответ может быть скрыт в той или иной форме удовольствия, пока неизвестной нам, но не нашим истокам... мы никогда не доходим до первопричины.

426. Расхождения и различия живых существ определяются укоренившимися практическими желаниями, а наша цель — изменить их. Мы становимся тем, чего желаем больше всего и что, как правило, отлично от того, на что мы надеемся; прежде придёт расплата.

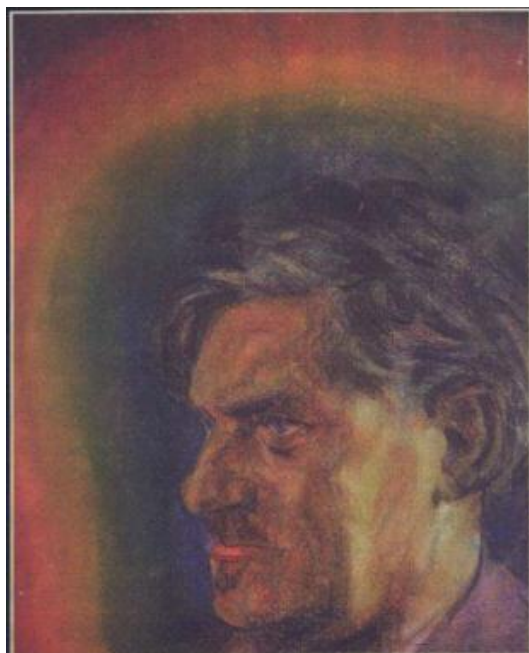
427. Наш уровень определяется способностью к отбору и визуализации.

428. Наша адекватность достигается постоянными усилиями к имитации; застойная самодостаточность никогда не пробуждала и не потребляла много энергии.

429. Этический вопрос сводится к поиску основного мотива стремлений человека, сиречь его образа действий. Стоик дей-

ствует без злого или вредоносного «намерения» в отношении других. Поэтому мы можем стоять против всех страхов и зол ради важнейшего добра, ибо человек рождает в муках.

430. Там, где есть жизнь, есть и определённая степень осознанности, но потаённой, со всем причитающимся. Когда однородность материи прерывается или разделяется, активность проявляется как множественность, и начинаются индивидуальные изменения.
431. Мы переполнены словами — подлинным сердцебиением ума. Можем ли мы произнести их верно, мы будем страдать от послеобеденного оцепенения.
432. Ни одна из Вселенных, ни один из людей не полон, не завершается, не исчезает, но все они суть возрождающиеся и вновь снова действующие сущие формы: они видоизменяются для новых удовольствий плоти, влияющей на плоть. По крайней мере, так думаю я, любитель толстухек.
433. Когда мысли отмежёвываются от связей и градаций меж всем контрастирующим, они будут усердно создавать новые связи как новое эмоциональное содержание результирующей преобразования. В итоге проявляется асимметричное равновесие... это «странное видение» и есть уровень нашего гения.
434. Рассудок и его вмешательство суть логика уличного художника, бесполезная для приведения нас в контакт с реальностью — реальностью скорее абстрактной, нежели конкретной, подобием идеала, которое мы знаем и который не в силах понять. Ближе всего мы можем подобраться к нему путём объединения всех чувств. Благодаря направлению эмоций переживания могут быть страстными, объединять и выражать нюансы и «тезисы», которые не могут быть выражены мыслями... нежданный скрытый образ, как в Природе.

435. Если значимость можно мерить нашей способностью к творчеству, то для Космоса мы не важнее амёбы. Природа не терпит расспросов, наши методы — всего лишь подражание, и то — только если это позволено. Обманщик, не обманывай себя.
436. Действия и жизненные цели гения кажутся почти экспериментом; избранные рождаются нечасто.
437. Наше раннее принятие вещей как они есть, как доминирующую реальность, позднее омрачается тенью сомнения, и мы заключаем, что зло реально, сильно и противостоит Всемогущему. Но не забывайте: не было зла, пока не появился человек, и потому есть определённое безумие в поисках «рационального» объяснения жизни. Совершенно не обладая знанием, вещи, по-видимому, действуют идеально, и они одни находятся по ту сторону добра и зла.
438. Разум изменчив, подобно Протею, заключает в себя всё, но все наши пути и средства управляются множеством ограничивающих законов, которые не так легко нарушить, хотя они гибки, приспособляемы и изменчивы. Человек не может преступить естественных законов,

но всё же способен отделить себя от них. Пределы тела спасают нас от множества глупостей.

439. Что бы мы ни претворяли неосознанно в жизнь, оно одновременно приводит к тонкому оплодотворению, создающему средства для вездесущих мыслей, образующих наше Эго; тут-то и вмешивается Душа. Мы всегда функционально отстаем; то, что было скрыто ранее, проявившись, требует оформления. Комплексное развитие тела создаёт более подавляющую среду для работы Эго, Разума и Души. Цель жизни выступает как переход вещества из сборного единообразия (смердящей кучи) в специализированные различия, то есть в разнообразие индивидов. Следовательно, нет всеобщего братства, основанного на равенстве, как нет и накопления опыта с возрастом, а есть как раз обратное. Время связывает нас с талантом. Независимо от наших запросов к взаимосвязям, они определяется не только наследственностью, но и способностями. Воистину, способность должно заслужить тяжким путём: путём методов и усилий.
440. Тело — запинаящаяся марионетка ума: оно начинает как автомат и становится автономным. Превращение: кукла становится кукловодом.
441. Существует тенденция к теософской паранойе и ментальному поносу вроде «Нет закона превыше, чем “Делай, что изволишь”». Это примитивное тщеславие выступает как высочайший абстракт оккультного: оно сопоставимо только с похабными бессмысленными каракулями юнца и обнаруживает великий страх ответственности. Наши собственные законы произвольны и их можно преступить, но мы не избежим последствий их преступления. Никто не находится по ту сторону Добра и Зла, Времени и Пространства с их законами и пределами. Ни одно слово, ни один жест, ни один знак не докажет иного.

442. Все наши союзы происходят из нашей интроэкстраверсивной способности; ментальное дыхание: дать, взять и переделывать.
443. Большинство религий и вероисповеданий возникло из надежд и страхов; в конкретном или в абстрактном не так уж и много того, из чего можно их строить. Мистика? — Больше восторженного самопотакания, больше пестроты, больше общих мест: случайность и эскапизм, облачённый в гиперболу, старые мифы, окружающие и скрывается доминирующий Ид: «Я сам себе закон», — молвит он. Надейтесь, ибо Вы больше, чем вы: гораздо больше, чем вы могли когда-нибудь подумать.
444. Таковы Ид: самозащита, питание и ощущение — возвращение всяческих гибридов и уродов при помощи постоянных прививок, скрещивания, вопреки их и нашему предназначению, — или так только кажется. Каких призрачных врагов, какие ошеломляющие измышления, мифологии, идеологии, лжи, полупричины, разочарования, переносы они уже породили и ещё порождают: обманы, ослепляющие нас снова и снова. Но когда-то, сквозь эти джунгли, они же создали своё добро и зло: «сознание», которые никто ещё не подчинил, не убил и не заменил. И, пожалуйста, никаких молитв; давайте улыбнёмся нашей

кровожадности в победе над самими собой.

445. Вот где обитает заблуждение: человек видит свитую в кольца верёвку, думает, что это змея, и потому страшится и бежит в ужасе. Верёвка реальна, и это всего лишь верёвка; испытанный страх и реакция также реальны, хотя и порождены воображением. Заблуждение было вызвано неверным наблюдением. Однако некоторые столкнутся с ним потому, что вещи — не то, чем они кажутся нашему случайному взору, или потому, что «реальность» не в полной мере раскрывает себя сразу, — значит, всё есть иллюзия. Следовательно, наши выводы из иллюзий реальны постольку, поскольку влияют на нас так же, как если бы они были выведены из реальности.

446. Мы выживаем более благодаря трусости, нежели смелости.
447. Символическое созидание: кресло не описать ни как простую совокупность его частей, ни через его материалы или размеры. Химический анализ и математика не раскроют всех его значений или происхождения. Кресло «возникает» из необходимости. Функциональное единство зачало замысел, дизайн и форму, направляемые или приспособляющие-

ся к имеющимся материалам и возможностям. Красота происходит из полезности, и неважно — появилось ли кресло в результате продолжительных совместных усилий или нет. Таким образом, идея кресла вовлекает Сознание, Мышление, Замысел и Осуществление, — которые включают в себя всё остальное. Поэтому мы можем предположить, что наши наиважнейшие потребности (то есть то, что мы желаем в достаточной мере) будут развиваться из абстрактной реальности (Разума) для наших нужд, дабы служить нам впредь. Природе, видимо, безразлично, добром или злом являются наши нужды.

448. Формула «Честолюбия» приводится в действие оживляющей убеждённой и бесстрашной верой в себя. Анимус неизбежно побуждает к спонтанным действиям посредством открытости объекту. Потенциала как такового нет, есть возможность «здесь и сейчас»; отношение, лишённое качеств и отклоняющееся только от «Я есмь». Честолюбец сперва создаёт задуманную форму; ему неведомы неудачи, способные лишь немного замедлить его. Уровень всегда соразмерен воодушевлённому таким образом таланту.
449. Разумность есть наша способность творить сложное, наша сила создания произвольных связей, придающая гармонию и значимость несочетаемому.
450. Мрак есть степень освещённости, не воспринимаемая нами. Нет совершенного противопоставления, только вариации, — кроме Бога, который есть антитеза всему, что мы ему приписываем и что должны перенести на нас самих.
451. Мечты суть иная и будущая реальность: не то, что мы предполагаем или желаем, но то, что мы примем от наших извращённых сует и своего отвращения к жизни. Весь этот процесс есть символический выход наружу тайных теней из прошлого, событий в масках метафор и

- аллегорий, выраженных в идеографическом языке.
452. Остерегайтесь демагога с правдивой идеологией, нацеленной на ваше улучшение: он — опасный атавизм, многие пали от его оружия.
453. Итак, мы предопределены и определяем через безграничную предопределённость. Всё возникает только из необходимости... Боги, Души, Тела... всё осуществится, уравненное с предопределённостью искателя.
454. Искусство должно являть нам образ, который мы хотим узнать: образ, которого нам не хватает в повседневных зрелищах.
455. ...Это правда, что это неправда, что мы не можем верить в невероятное (сиречь в несвязуемое). Если я не могу соединиться с Богом, неужели я не более чем создатель кумира? И как вы можете утверждать, что что-то безбожно, если всё есть Бог? Ибо всё суть Бог и его Воля, он определяет волю человеческую — и он же заточён в темнице тела. Всё та же похмельность Господня! Слава Богу, мы не замысел того существа, о котором помышляют как о Боге... и без того дела плохи...
456. Нищета более способствует иллюзиям, чем богатство, поэтому бедняки одарены воображением. Результата приходится ждать порою до третьего и четвёртого колена.
457. Восхититесь тем, что наблюдаете, а затем критически гляньте на свои выводы. Кто не сверхчувствителен к вещам, не получит внятного ответа.
458. Почему мы существуем? Наша главная функция — в полноценной, но соседствующей с фикциями жизни. Как мы затрудняем собственную жизнь! Для большинства она стала выживанием, воздержанием, забвением: выбор, мягко говоря, небогатый... На свете больше тех, кто бежит жизни, чем тех, кто её сохраняет.

459. Все пути в рай ведут к плоти: наши сменные курса и «восхождение» от земли должны начинаться здесь и возвращаться сюда же. Ничто не достигается иначе как посредством страсти, и наш единственный инструмент есть плоть: алчный рот и жадная рука. Посреди действительности протекают наши стремления, и нереальное — наш триумф. Поэтому я учу равной реальности всего сущего, человека и его иллюзий. Сны станут плотью... когда-нибудь¹.

460. Плачевное зрелище: «Мыслители» борются со своими страхами как с тенью; автоматы, приводимые в действие собственными неправдами, стремясь к высвобождению из плена своих же иллюзий².
461. Нет горше беды, чем когда нас подавляют другие? В конце концов, расковать и выразить себя — куда более опасное проклятие.
462. Того, кто находит удовольствие в чём-то одном, тяжело удовлетворить и легко разочаровать...
463. У нас нет времени на творческие идеи, глубокие мысли и тишину, кроме как в состоянии эмоционального истощения.

¹ См. № 140.

² См. № 140.

464. Необходимые удобства для жизни, свобода мысли, тренированное тело, плодотворность мышления и способность к выражению: что ещё нужно от Свободы, если не отбирать её у других?
465. Мне ведома двойственность: между человеком и человеком, человеком и природой, человеком и Богом. Человек — бунтарь, и его несомненная двойственность — великая тайна.
466. Истина есть средство к существованию; нигде нет ничего неистинного, хотя так может показаться: из-за того, что мы не можем должным образом реагировать на правду¹.
467. Много мужчин ищут девственниц для удовольствия, а мне обычно хватает старой шлюхи. Здравая практика — при наличии воображения.
468. Предмет любви должен быть любимым, а рождение — свидетельство соития. Ни одно противозачаточное средство не помешает великому усилию по зачатию себя самих.
469. Нельзя начинать с отсутствия убеждений в надежде влиться в их поток, как если бы это было возможно. Как правило, ожесточённые Ид имеют свои убеждения вместо нас.
470. Секрет счастья — быть в гармонии с собой; превыше этого не должно или невозможно желать почти ничего. Ищи свою среду и изменяй её; не спрашивай у других, что есть твоё «я». Я понимаю, хотя и смутно, что переделал я из воспоминаний в себя².
471. Если и есть закон природы, известный нам, то это «важность различия» и постоянная метаморфоза, то есть преобразуемость всего во всё, дабы предстать вновь, более отчётливо.
472. Если глас толпы есть глас бога — он никогда не внятен. Толпа лишь заимствует идеи.

473. Все культуры, открытия и Идеалы исходят от нескольких людей, которые редко стремятся к власти или к богатству для достижения собственных целей.
474. Значение греческого искусства в том, что это возможный Идеал, выведенный от среднего; его возможности пока неиспользованы.
475. Не заботься ни о какой общественной деятельности, кроме незапланированной.

476. Неизвестное есть метафора: пространная, волнующаяся и проявляющаяся. Наша эмоциональная реакция на неё становится смыслом нашего существования, который осознают лишь немногие.
477. Не бывает преднамеренного, запланированного перехода от частного к общему. Переход от конкретного к абстрактному обычно случаен и принимает различные формы, меж коих знание не вносит большую лепту, так как все способы допустимы. «Гадание» было куда успешнее.
478. Любое творческое влияние начинается потаённо или вдохновенно, но, проявляясь, оно зачастую бессистемно или хаотично. Впоследствии оно становится дедуктивным, формальным, доктринальным или математизированным.
479. Известный аспект открывает новый; мы в состоянии провести ассоциации с ним.

¹ См. № 141.

² См. № 149.

АПОКРИФ

- Воображение по-прежнему лучшая связка в области возможностей.
480. Лучшее управляет моей ответственностью; высочайшее во мне стимулируется спящим эгоизмом. То, о чём известно по наружности, изнуряет: тяжкое наследие, которое, видимо, препятствует так же часто, как и помогает.
481. Вступления и заключения не реальны: они суть драматические перемены.
482. В прекрасном не бывает излишка — вульгарность человека безгранична.
483. Я принимаю лишь одну справедливость: ни один закон, ни одна доктрина не могут быть священны для меня, если моя природа не раскрывает их.
484. В ходе обучения всегда делайте то, что вы избегаете делать; трудности не исчезнут, но страха перед ними уже не будет, и это будет началом великих возможностей. Те, кто сдался, принимают лёгкость соглашений и чужое наречие плена.
485. Природа открывается вначале через наше подражание ей, а затем через наше отрицание её.
486. Что мы желаем друг от друга? Простого кровопускания? неведомого единства? или же это наша голодная порочность ищет насыщения?..
487. Непосредственность — связь между причиной и следствием.
488. Всеведение Души веско бросает на всё тень своего Знания.
489. Весь наш потенциал заключается в нашей способности постоянно ощущать вещи чувственно.
490. Наша истина есть совокупность наших наблюдений, когда подтверждается нашими атавизмами.
491. Ключ ко всем метафизическим явлениям (к разуму, к душе и иже с ними) сокрыт в наших потребностях.
492. Что измеряет глубину и соединяет Волю с Убедением? Неразборчивые иероглифы или сиклы, которые освобождённое Эго составляет из нарождающегося желания и наделяет ритмом.
493. Мы молимся... как содрогаящаяся Наяда, оцепеневшая от изнасилования.
494. Есть гримуар символики, расплывчатых звуковых нюансов, которые соединяют все мысли и являются загадочным языком мира подсознания.
495. Глубокая тишина и одинокое стремление размораживают всетворящий разум.
496. Жизнь — блудница, цена которой — смерть.
497. Наш образ мысли есть результат многочисленных объединений, градаций, вариантов, противопоставлений и смешений, выведенных из наших оценок «других вещей», стилизованных нашим врождённым духом. Значимость зависит от нашей способности изменить Природу, «как бы».
498. Познание не имеет правил, но мы заставим процессы некоторых скрытых и укоренившихся силлогизмов соединиться с противоположностями родством и сродством; наши выводы станут интенсивными и экстенсивными, «как бы» истинными.

499. Мы проводим жизнь в поисках решения, взаимности околорационального творчества...
500. Нормальность будет твоим полным отличием от неё.
501. Всё на свете есть временное ощущения Всего; а Представления, хотя и абстрактные, являются реалиями действительности. Сущее есть всеобъемлющая плоть,

что ищет новых союзов, спарывая с процесса врождённые узоры, перестраивая, связывая и обрубая связи, включая и исключая. Не бывает решающих вторжений или исключений из вероятностей. Ибо любое творчество далеко от постоянного единообразия и завершённости. Причины в предыдущем опыте, предопределившем своё воскресение как действительность в новых различиях. Так, первичная цель есть оригинальность ради удовольствия, в качестве компенсации за подвиг изменения. Это как сущность является скоплением избирающих склонностей, выровненных по нашей способности к воспоминанию. Ничто не осуществимо без усилий как взаимного эмоционального понимания. Как быстро мы устаём и ищем безопасности! Я хочу попросить вас хоть иногда забывать о безопасности и отринуть вашего Бога прежде, чем он, утомившись, оставит вас.

502. Бог внутри нас? У животных на это больше шансов... Будьте уверены: всё наследие предков — внутри, каким бы оно ни было, и в этом может быть испорченность прекрасного. Поэтому я хочу попросить вас заглянуть внутрь — и уничтожить всё, что уводит от Идеала, ибо ваша цель и жизнь в том, чтобы и дальше быть своим «Этим», а не чужим «Тем».
503. Есть добродетель в замалчивании и уничтожении по сравнению с усилением и наращиванием: смысл в пропусках, пока они кажутся завершёнными.
504. Всё гениальное есть преобразование одержимости подавляющими факторами, симулирующее страсть и высвобождающееся движением воли: безумие есть провал.
505. Когда мы стремимся сделать нечто логичным для нас вместо того, чтобы поступить наоборот, мы создаём уродства; привязанности терпят неудачу и распа-

даются, и все мы прикасаемся к страданию.

506. Если я слушаюсь своих Ид, кого слушаются мои Ид? А когда моя собака слушается меня против своего желания, она слушается меня или своих Ид? (Значит, мы тоже подчиняемся внешним воздействиям, о коих ничего не ведаем.) Если желания не удовлетворены путём метаморфозы, сублимации, замещения и других форм передачи, то мы должны быть не более чем скопищем противоречивых побуждений. Как часто мы желаем свободно и утоляем желания? Кроме того, там, где собираются люди, первоосновой являются религии, права, мораль и соглашения с проистекающей из них системой поощрений и наказаний — уздой Ид. Только Стоик ищет и предлагает добродетель ради неё самой: не из страха, а из послушания своему Ид или своим богам.
507. Эволюция есть процесс изменений путём создания разнообразия, постоянного слияния неточных разделений, умножения различий, которые следуют закону асимметрии на основе несоразмерности, становящейся всё более и более сложной до тех пор, пока прототип не перестанет узнавать себя или свою родню во всех её многочисленных формах.
508. Говорить об одном Боге всё равно что говорить об одном человеке, или об одной вселенной, или о чём-то ещё в этом духе. Постоянная множественность — вот закон: слияние и появление на свет, дабы сотворить великую личность.
509. «Пигмалионство» наоборот: осуществление твоего идеала посетит в тебе жизнь. Одним жизненным и искренним убеждением Душа приближается и претворяет в жизнь всё незавершённое тобою. Помни: все законы, исполненные необходимости, дарованы добром и злом и требуют исполнения и послушания; ибо твои убеждения становятся твоими законами.

АПОКРИФ

510. Наше восхождение к более великому Я идёт путём, наименее нам известным: терять себя до тех пор, покуда не обретём.
511. Сотворил ли нас Бог, пребывает ли Он внутри нас, — мы ещё не зеркало Бога: ни в целом, ни в частностях. Ни силлогизмы, ни откровения не показывают ничего, кроме наших же характерных особенностей и того, что мы подобны произведению, развивающему и завершающему себя: произведению высокого мастерства; а теперь добавьте наш собственный проклятый вандализм!
512. Если внешний мир — не наваждение, то наши представления, безусловно, рожают иллюзии, и мы подобны сводчатым катакомбам, населённым диковинными призраками, жаждущими испить эту энергию, дабы воскреснуть, дабы жить, через память о том времени, когда мы делали мечты плотью.
513. Нет большей загадки, чем человек с его несовершенством, с его великой любовью к притворству, с его великой ненавистью к Самости.
514. Во всех своих различных степенях осознанности Эго есть наш свет во мраке невиданного и неизвестного, ибо оно обладает способностью связывать, которая приумножит наш свет.
515. Зачастую мы ощущаем себя больше в незнакомцах, в новых вещах, забывая о ближайших родственниках; поэтому ищите родственное в другом месте. Нет! Не тогда, когда... Забыв о сантиментах, я жду скорого наследства... проклятого ни за что.
516. Хаос есть материя порядка и будущего замысла. Если эта вселенная возникла из неразумного, бесцельного, а всё есть случайный побочный продукт, то мы — ублюдки тщетности. Исчезая и меняясь, нечто может показаться хаотичным, текучим от природы... Нет ничего случайного, всё предначертано невероятным разумом и порядком, и отсюда (в какой-то степени) сомнения в нас самих —
- столь же невероятных. Мы не должны сомневаться в возможностях, даруемых нам двойственностью.
517. Мышление становится обратным отражением наших эмоциональных надобностей, когда их результирующие переключаются на другой объект.
518. Единственное «слово», которое мы может отнести к Богу — справедливость: какой ещё нужен общий знаменатель для закона, морали и правил поведения?
519. Проклятие: Как долго мы должны ненавидеть, чтобы любить? Уничтожить, чтобы жить? И как много нужно забыть, чтобы научиться чему-то ещё!
520. У некоторых любовь к маскараду стала категорическим императивом; в делах профессиональных это род онанизма, имитация без должных инструментов.
521. Для мудрости нужно, прежде всего, отличать то, что мы принимаем как истину, от того, что истинно для нас.
522. Закон великого Ид: Нарушай все законы.
523. Природа с радостью бы избавилась от нас, сделав нас самодостаточными.
524. Не наличие ли «другойности» в нас заставляет нас порицать других?
525. О нашем уединении: Великие глубины иногда оглашаются эхом; Истина прячется в обществе.

526. Солецизм¹: «Бог всё дающий»... или всё пожирающий Вампир, собирающий свою кровавую дань. Ответ: наши боги поступают так.
527. Не будь самонадеян: пропущенная йота, незамеченный зародыш могут убить тебя или заставить поскользнуться на собственном дерьме.
528. Держитесь за свои убеждения — какие они ни есть и какими бы они ни были, — если они ваши собственные. Нет ничего более естественного для себя и своих усилий, направленных на становление.
529. Когда страсть возникает из необходимости и приемлема для функциональных целей, она эстетически оформится и установит великую взаимосвязь, которая позволит испытывать эмоции во всей их полноте.
530. Непоследовательное мышление подразумевает врождённые предрасположенности, которые в конечном итоге оформятся, станут пространственными и растекутся по мелочам.
531. То, что мы делаем настоящим, теряет своё абстрактное значение и становится собственной антитезой.
532. Жизнь есть полуправда.
533. Силлогизм затруднения: Понимаем ли мы нечто, зная его? Обладая им? И когда мы понимаем нечто достаточно полно, желаем ли мы его?
534. Все мысли суть неудовлетворённые страсти, дающие жажду жить: Мысль есть абстрактное семя, ищущее способности к ощущению.
535. Главные атрибуты человека — его иллюзии.
536. Всё на свете — следствие соитий: всё рождается от схожего, стремясь к несхожеству. Поэтому все изменчивые переменные возрастают попеременно. Таким образом, беспорядочное наложение двух модификаций одного и того же приво-

дит к дальнейшим различиям: Бог проявляет себя как человек точно так же, как человек являет Бога; иначе всё свелось бы к абсурду.

537. В человеке есть сокрытое, о котором он ещё должен помыслить: экстаз побуждает к проявлению.

538. Мы передаём / переносим плоть посредством единства; и наш потенциал, нашу абсолютность — точно так же: соитие — взаимосвязь всего и вся.
539. Мы искажаем факты до вымысла, а наши вымыслы служат нам фактами: Истиной.
540. «*Suggestio falsi*»²: Но мой наивный ум полагает, что голый зад есть голый зад, и если попался яркий и большой, то он равен рассвету: оба легкодоступны и доставляют радость.
541. Я не могу представить себе религию (невольное почитание) глубже, чем почитание плоти; она никогда не была достаточно глубокой, ибо ни один материал не равен плоти.
542. Всякое межличностное общение — влияние плоти на плоть.
543. Истина — наш прагматизм; ничто не возможно путём свободы, ибо таковой не существует; мы выводим свои нужды из ограничений.
544. Обычно боги — наши допущения для объяснения себя самих.

¹ *Солецизм* — синтаксически неправильный оборот речи, не искажающий смысла высказывания.

² (*лат.*) Предложение чего-то ложного.

АПОКРИФ

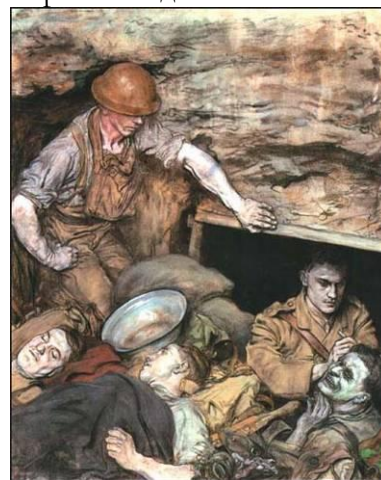
545. Наша способность к познанию всегда соответствует нашим нуждам, а не нашему самолюбию.
546. Настоящее существование есть то, что мы приближаем к Эго.
547. Мы не можем оценить повседневных чудес потому, что нас что-то беспокоит, нас вечно что-то беспокоит.
548. Реальность не постигается через наши представления о ней, оставляя загадку: наши думы о создании собственной формы реальности.
549. Всё возвращается к своему истоку? Наверное, — и наверняка, если творцы — мы сами. Всё непрестанно меняется и развивается из простого в чрезвычайно сложное, поэтому мы не уверены в происхождении чего бы то ни было.
550. Больше ли творец творения? Да пребудут в нас Надежда, Вера и Милосердие.
551. Прикосновение похотливого легкомыслия лечит иллюзии наших подслеповатых моралей, чувств и добродетелей, ибо не жизненная сила слепа, но мы сами.
552. Если Бог проявляется во всех явлениях, наши реакции превзошли самого Дьявола.
553. Будь наша этика столь же логична, как наши техники и методы создания замыслов, она была бы, по крайней мере, целесообразной.
554. Развивается ли психика вместе с телом или же превращения происходят через нас либо созданы нами — неважно, если мы наделяем её богоподобной формой.
555. Хаос, обручившись с хаосом, породил порядок.
556. Нет невозможного в «формах», которые может принимать разумная жизнь. Наши бесконечные отношения рожают возможности. Разновидности форм всё ещё не исчерпаны, и нет ничего чудесного за пределами живой материи. Хотя плоть в своей самой блистательной красоте чудесна, это не означает, что природа исчерпала все возможности доставить удовольствие во плоти.
557. Вы всё ещё начинательны, непригодны для вечности и потому сталкиваетесь с всё новыми и новыми изменениями...
558. Будешь ли ты простым бульжником или драгоценным нефритом, приспособляйся к каждому человеку. Поэтому не всегда, живя с волками, вой по-волчьи, но учись быть самим собой.
559. Материалисты заявляют, что «разум есть случайный продукт материи», что равнозначно тому, будто стул или любое человеческое изделие случайно создало человека, его сознание и ум, воплотивший это изделие. Материалистам придётся проглотить свои заявления. Они используют свой разум (такой, какой он есть), чтобы отрицать существование разума! Наши свидетельства о раздельном существовании заключаются в нашей реакции на вещи; моё ощущение есть моя апперцепция¹, то есть Эго; ибо то, что я чувствую, есть «сознание в роли Я», которое не может быть осязаемо кем-то другим.
560. Символическая космогония: лишь Абсолют произволен; замысел Космоса и Творение — его работа. Душа отражает целое, преломляя его частично в ум, который становится хранилищем опыта в качестве Памяти. Мысли есть пробуждённые образы прошлого, перестроенные и украшенные рассудком. Эти переходы влияют на своё вместилище, на тело. Эти множественные воздействия суть причины того, что мы называем жизнью, и степени осознанности, которые мы называем Эго (своим я), и оно в конечном итоге «берёт верх», становясь синтетической имитацией или аналогией целого: всегда «как бы», постоянно завершающей, но не решающей.
561. Всегда есть эдакое подсознательное словословие: «Я верю в тысячу и одну ночь», или «во все свои пустые мечты», — и это, конечно, так же близко к правде, как и

¹ *Апперцепция* — восприятие предметов и явлений внешнего мира и осознание этого.

всё остальное, а обычно даже больше. Истина есть то, что мы делаем истинным.

562. Страсть вознаграждается страстью¹.
563. Когда мы переживаем период одиночества, мы находим его более людным, чем толпа, обиталищем наших реальностей. От одиночества не уйти, и когда мы боимся его, наше сознание действительно нездорово.
564. Когда мы заводим дружбу с собой, наши враги лишаются силы.
565. Сексуально бездеятельные суть моральные самоубийцы; они тратят себя на малые страсти, а те, кто распалает плоть, должны быть прокляты кое-чем худшим.
566. Я люблю приветливую улыбку Богов и незнакомцев: мне неизвестно, что она означает!
567. Извлечь выгоду из Души столь же трудно, как и пробудить её.
568. Только господствующая страсть может принудить нас сделать хорошо то, что мы желаем сделать².
569. Сколь много бы мы ни знали, но, забывая о себе, мы живём заимствованными клише.
570. Принимай одолжение, только предлагая что-то взамен.
571. Мудрец читает, думает и принимает данные как мнение; лишь как напоминание: не как истину или собственное умозаключение.
572. Условности, привычки, манеры делают нас старомодными или собственными слугами.
573. Неудовлетворённые мотивы человека отпускают поводок, — и вот он потерян в мире безумной ненависти.
574. Человека можно, скорее, определить как извращение себя самого... живущее так, словно всё вокруг поддерживает его обман. Испорченное, оно становится добродетелью, себе неподвластной.

575. Мы тщетно надеемся, что смерть прекратит все прочие беды.

576. Образованность учит нас тому, как много мы можем потерять в процессе.
577. Если наши добродетели — в основном ошибки, доведённые до излишества, то лишь потому, что они с самого начала были слегка с душком.
578. Когда мы видим великое произведение искусства, мы снова живём.
579. Психология продаётся лучше всего: современный плод дурных фантазий.
580. Знать себя — всё равно что спать с драконом.
581. Мы мало знаем об истине, но без неё нет ничего.
582. Мысли побуждают, а слова направляют наши жизни.
583. Все тайны Природы надёжно упрятаны: они у нас под носом.
584. Система и логика вступают в заговор против оригинальности, поэтому великие идеи рождаются увечными.
585. Все мы потеряемся в свободе.
586. Дружба есть взаимное самопотакание и единственное, что устанавливает взаимосвязь со всеми. Для начала подружись с самим собой.
587. Человек есть непримечательный образчик гораздо большего, чем он может помнить.
588. Жизнь продолжается лишь за счёт способности создавать разнообразие: ничто

¹ См. № 155.

² См. № 157.

не родится от одной и той же вещи дважды.

589. Когда старые воспоминания стимулируются некими эфемерными событиями, мысль отзывается, и мы можем усилить мышление ассоциациями и в полной мере осознавать, что мы делаем: материя — вместилище ума. До этих дробных пределов мы можем управлять тем, что хранится в памяти.
590. Ошибки делают привычными наши наречия и стили.
591. Во всём лёгком мало новой сути и нового роста.
592. Вечные изменения покоряет нашу ложь, если только мы не свернём с этого пути.
593. Ощущение и понимание равны друг другу.
594. Главный постулат Религии — требование полного принятия на веру догматического тезиса и заключения, некое «как бы», объясняющее все неясности и тайны жизни. Как доказательство утверждается, что Бог, или Первопричина, столь чудесный/ая в своём творении, что находится за пределами понимания, превозмогает всё недоумение от противоречий и несоответствий. Я признаю, что Природа сотворила невозможное: она ли не создала человека? Если можно так обманывать себя и переваривать эту чушь, она отчасти «работает»; это значит, что беднейшее «как бы» воление лучше, чем неверие, и кое-что даёт: разве что смутное допущение в смерти или психопаралич в жизни в качестве полумеры.
595. Чувственность — посредник между причиной и следствием: мы всегда испытываем или больше, или меньше. Опыт лежит на пути ко всем целям и желаниям и лишь отчасти раскрывается в Эго. Подлинный и яркий опыт проникает глубже, зачастую молниеносно, тогда как ум высвобождает неизбежную сущность, «мыслесимвол», примиряющий или

уничтожающий противоречия ради превосхождения ценностей.

596. Для большинства путь жизни, как пищаевод, ведёт к концу, а не является инструментом. Но разум более всеяден и может расширяться или сужаться, изменяя психосоматику.
597. Шизофрения нормальна, она у нас у всех: мужчины и женщины есть изменённые формы друг друга, сохраняющие излишек или недостаток качеств другого, — и сексуальное единение суть восстановление целого. Когда мы отрекаемся или разочаровываемся, шизофрения может стать патологической. Кроме того, мы постоянно соединяемся с нашими прошлыми «я»: мёртвые живут и воплощаются в нас. В нас живёт множество людей. «Раздвоение личности», как правило, не есть резкое разделение наших добра и зла, обычно поровну, порою — нет. Как правило, подавленная личность есть лучшая половина; поэтому спонтанные и тайные деяния щедрости, скрытая и нетребовательная любовь и тому подобное приходят из наименее ожидаемого. Патологический тип крайне редок.

598. Не сами вещи, но другие, связанные с ними, стимулируют человеческую ненависть... так человек ненавидит инобытие, с которым сталкивается в себе самом.
599. «Разум в покое — зеркало всей тьмы вещей»¹. Мы слишком много слышали о расслаблении и «медитации». Мой разум (надеюсь, ваш тоже) работает обратным образом: стимул приходит извне, — всегда хаос, творчество, пространство

¹ Чжуан-цзы, гл. 13 (по пер. А. Д. Позднеевой).

странных состояний, — а «покой» есть период усталости или сна: для построения творческих способностей необходимо возобновление напряжения.

600. Вопрос: откуда мы знаем? «Осознай себя», «Познай себя», — которое «себя» или какую его часть? Такие заявления — жалкие заблуждения. Насколько такие знания возможны, полезны или необходимы? И какую ложь, какие заблуждения сотворяем мы в знании! Для многих лучше забыть то, что они думают, что знают, — ради их же собственного блага. Не нужно быть биологом или психологом, чтобы сказать, что в уме находятся пласты атавизмов, которые, если им немного помочь, могут перерасти в наидурнейшие аномалии, — только дайте шанс Ид! Кроме того, мы знаем, что можем обуздать свои жадные аппетиты путём перенаправления и вынесения наших подлинных ценностей за их пределы, культивируя наш лучший потенциал. Да! — В основном, всё так просто, и нет особой нужды в знахарях. Без их «Колокола, Книги и Свечи» можно похоронить эти рукотворные призраки — расхожие фразы патопсихологии. Что уместно в нормальном, настолько неприменимо, тривиально и временно, что принимает почти ничтожное значение в общем и в целом. Различные формы контроля и охраны среды вызывают к жизни разные виды поведения людей, но сейчас можно выбирать наши изменения, ибо человек способен повелевать своими генами и Ид, буде только пожелает. Бывает ещё такой период в нашей жизни, когда мы снова податливы и восприимчивы и легко станем вновь добрыми или злыми.
601. Мы окружили свои действия таким пустословием, что ни одна мысль не сохранила своей чистоты: устранение помех, переориентация, искупление и переубеждение становятся необходимыми для того, чтобы высвободить желания. Так,

воление часто влечёт за собой борьбу, приносящую преждевременные и странные плоды. Посему отсеивайте помехи цепких предрассудков, условностей, взглядов, — кои вплелись в процессы мышления, желая обрести тело, притупляя ваши способности и делая ваши слова и поступки чужими, — и солицизма вырожденных нужд. Мы должны сотворить Абракас из своего желания, дабы отбросить всё лишнее.

602. Всё в этом мире может быть легко получено и вызвано с помощью зла, которому (ибо оно заразно) так мало надо для пробуждения, поскольку все связаны с ним через свои соответствия.
603. Я — сила моей страсти (Ид).
604. Боги не умирают: умирает наша вера в них через те нелепости, которые мы им приписываем. Наши изменения — как правило, Их переименование или снабжение новыми атрибутами.
605. Великая бесплодность: божество и человек — сущие вечно — суть навозные кучи жадности под другими именами¹.
606. Божественное, душа и тело никогда не оставляют тебя, но ты сам оставляешь их на время.
607. Когда некто видит своё отражение во всём и всё в себе, он становится Стоиком... или снова предаётся своему лицемерию²

¹ См. № 132.

² См. № 133.

608. Наш ум связывает всё, а мысль есть связка; наши способы выражения страстей ограничены, дурны или безумны¹.
609. Душа и разум глухи к звукам нашей речи, но отвечают всякой страсти, несущей чистое чувство².
610. Наши неудовлетворённые желания лежат за пределами предвидения; никто не может выразить наших союзов, кроме зеркала наших сокровенных желаний и убеждений.
611. Куда бы ни направилось Эго, там лишь ощущение и восприятие реальности³.
612. Мы называем ход некоторых вещей «перстом Божиим» или «Судьбой», хотя это беспристрастное следствие нашего прошлого добра и зла⁴.
613. Мы делаем слова многозначными, добавляя собственные смыслы; такие изменения становятся бесчисленными, и мало кто понимает себя или других⁵.
614. Абсолют создаёт Космос с его вечностью, а Космос оформляет себя в измерениях как «всегдашнее», известное нам как бытие — познаваемая реальность, — представленное дискретно, частично и никогда не как целое. Мы видим лишь части этого могучего отражения: разные времена, сливающиеся в едином моменте, — и отвечаем на их возвращение «тогда» в повторном опыте «как сейчас», по памяти, постоянно меняющимися связями «Я» через текучую форму, среду, желания и убеждения. Таким образом, «Я» становится калейдоскопичным, иллюзорным, преломлённым, а мы — потерянными для себя самих, и не знаем, хотим ли утратить себя или обрести.
615. Мы мало знаем о себе, и другие представляются нам куда реальнее, чем мы сами. Мы мало нравимся себе и ненавидим своё отражение в других, и через это становимся нереальными. Никто никогда не видел себя. Так много ложного пафоса в этом поиске наших неведомых «Я» и трудном созидании «Я» устойчивых. Мы изобретаем «Я» — фасад, за которым скрывается то, к чему мы стремимся. Мы живём в лабиринте воспоминаний и воздействий на прошлое, — отсюда наши размытые «Я».
616. Все измерения уравнены со временем и связаны с формой в пространстве. Замысел возможен лишь через форму, а Эго — наша протяжённость в измерениях.
617. Время, чувство, связь — вечный треугольник.
618. То, что однажды было бессознательным, интуитивным или спонтанным, постепенно становится сознательным, преднамеренным или своевольным. Случайное (свободное) есть идеал. Словесное откровение всегда рождает вредоносные и лицемерные догмы.
619. Мы почитаем наши самые неосуществимые эмоциональные образы.
620. Насыщенная жизнь исключительно неполна: лучшее остаётся невостребованным из-за совершенной приверженности чему-то одному.
621. Матрица «мысли» есть надежда и страх, орёл и решка; человек должен кристаллизировать свои желания как потенциально исполненные.
622. Прогресс не связан ни с бегством от Природы, ни с борьбой с ней, но с подражанием ей путём синтеза. Природа достаточно гибка, чтобы сплести все возможные желания — когда мы ищем более развёрнутую форму.
623. Бедные идеи нуждаются в экстравагантных аргументах, чтобы скрыть свою нищету. Религиозные откровения в основном суть гиперболы и обещания, не подразумевающие непосредственного исполнения и почти бесполезные. Художники вернули им утраченную жизнь и достоинство.

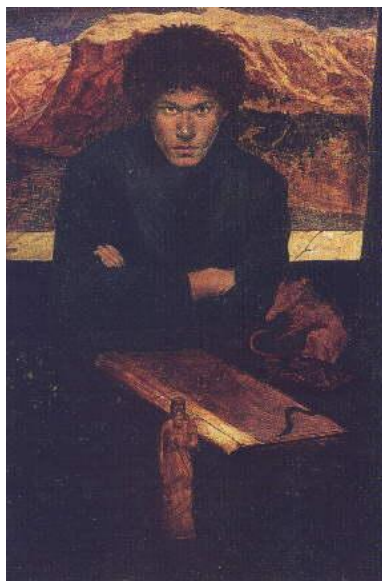
¹ См. № 134.

² См. № 135.

³ См. № 136.

⁴ См. № 137.

⁵ См. № 138.

624. Величайшие наши творения мы выводим каракулями, словно мальчишка: абсурдной или безвкусной каллиграфией, разоблачающей наши низменные побуждения. Наши идеологии стали грязными завитушками рококо, водружёнными на классическое произведение Язычества или Природы.
625. Убери все союзы из предложения — и оно станет бессмысленным. Такова наша сила «абстрактного» соединения, равно как и соитие, придающее значения словам.
626. Конечно, наши мысли несвободны, ибо мы ничего не можем знать за пределами наших прошлых и нынешних состояний; но менее всего мы осознаём наши прошлые и нынешние состояния или их протяжённость. Память постоянно раскрывается, воображение безгранично. Мы думаем и верим в то, во что желаем верить, независимо от мотивации. Нет ничего, что могло бы нас остановить. У нас есть власть контролировать наши желания и направлять их к тому, что происходит от тела, или к более абстрактным помыслам психики — например, к произведениям Искусства. С ростом возможностей наши мысли более свободны, и мы получаем определённые способности переноса. Для нас истина

имеет отношение к тому, во что мы верим из того, во что можем поверить.

627. Вечная истина: я знаю и не знаю, — ибо когда мы создаём «смысл», все смыслы становятся тёмными, скрываясь за рамками нашего определения, и догадки становятся нашей методой. Простое становится сложным, а наша логика — тавтологией оценок, которые склонны лихо скакнуть в противоположное и изменить наш первоначальный порядок в хаос.
628. Любой опыт истинен для нас в той мере, в какой мы его поняли. В конечном счёте, он становится органичным, поэтому вечное возвращение раскрывает всё большее, и мы ощущаем, что переживали этот опыт прежде.
629. Умственный и телесный запор — признаки постоянной немощи.
630. Прекрасное лицо покрывает собой череп; так красота является побочным продуктом гротеска (но не уродства).

631. Мы рождаемся со своими желаниями: когда мы желаем подобно Богу, человеку, зверю или уродцу, мы становимся такими.
632. Постоянный процесс: иллюзии становятся истинными, и истины — иллюзорными.
633. Хрен с ней, с йогой: «концентрация» на одном объекте есть лишь очередная «иллюзия». Я не могу выдержать этого ни минуту; может быть, идиотам это удаётся лучше.

АПОКРИФ

634. Без стимуляции «извне» мы легко утрачиваем способность мыслить.
635. От зла очищает более эстетика, чем аскеза.
636. То, чему научило нас одно лишь одиночество, есть здоровая личная теология.
637. Всё познаётся лишь чувственно; ничто не появляется из чего-то иначе как через единство.
638. Лучше верить в ложь, чем испытывать бесплодность недоказуемого. Верить во что-то достаточно сильно значит сделать желание связующим.
639. Только влияния имеют значения: их последствия истинны и реальны.
640. Теорема «как бы» как прагматизм: Если я выдвигаю предположение «Я есмь Бог», а последствия его широко реализуемы и выгодны, то аутическое мышление обосновывает само себя: все сущности приводятся в молчаливое согласие, а всё «иное» становится соотносимым или несоотносимым с ним. Последствия станут нашим будущим наследием и нашим добром и злом.
641. Религия в наши дни — организованный страх и нищета души. У теургии нет ни того, ни другого: её цель — самореализация или становление как «Бог».
642. Государство, Общество и Демократия суть фикции — маленькие жадные иерархии, скрытые за политическими и религиозными фасадами, со всеми способностями тех, кто готов (в рассрочку) служить их интересам. Вне всего этого общество состоит из психов со справками, питающихся парафренной печатью и другими литературными пустышками, каждодневно блеющими о демократии и свободе — чтобы ограбить их.
643. Достоинство человека в том, что он индивид, способный мыслить и действовать как добродетельно, так и справедливо; шансы его от рождения не внушают надежды...
644. Когда наши духовные и материальные взгляды на жизнь есть одно, а одно соприкасается с другим, то половина наших нелепостей, заблуждений, неправильных убеждений и суждений исчезает.
645. Одни прозябают или застаиваются, другие достигают самоуспокоения, и все надеются на «спасение». Третьи же предпочитают скитаться в хаосе, в поисках не спасения, но своего жизненного пути.
646. Когда говорят: «Так было всегда», — я отвечаю: «Но не обязательно будет».
647. Бездеятельность или сон — как временное ослабление напряжения: да! — но не более.
648. Красота содержит все смыслы; нам не остаётся ничего, кроме как расшифровать их.

649. Квиетизм, буддизм и другие религии, отрицающие плоть — куда ниже Бога в нас: они — эскапизм, что ищет убежища в страхе жизни и неспособности принять «эту реальность». Их обидели? Одалиска не удовлетворила их или запросила слишком много? Они ожидали чересчур многого за слишком малое или были непомерно скупы, и отсюда: «Всё это иллюзия». Но Стоик с улыбкой ждёт следующего потока дерьма с небес. Стоики — не Спасители, не Святые и не Герои, и они часто озадачены и усталы, но предпочитают найти собственный путь и принять жизнь такой, какой на-

шли её. Шизофреники, меланхолики и психотики — они, по крайней мере, живут скрытно и не навязывают другим религий. Они доказывают возможности и выгоды «как бы», когда не вызывают отторжения.

650. Я есмь, поэтому Эго существует только как я — никогда как все вещи одновременно, — хотя все вещи пребывают во мне: появляясь и исчезая. Ум аморален; мы определяем собственное добро и зло, кои, в свою очередь, предопределяют наши разделения и союзы. Человек существует через те союзы, которые завершаются в ближайшей реальности, когда они приятно метафизичны, — что всегда приносит дополнительные возможности: наш источник непрерывных открытий и откровений.

651. Основы создания произведения искусства: природное родство со средствами и объектом, способность глубоко чувствовать и беспристрастное видение, направляемые энтузиазмом и неустанными усилиями. Технические навыки воспедают. Кроме того, это действие должно следовать из необходимости (иными словами, желание перенести на бумагу или воплотить в жизнь должно быть преодолимым).

652. Когда мастерски используют превосходную технику, она становится виртуозной: искусством, равным любому другому искусству.

653. Что есть Абстрактное Искусство? Что-то, что мы не можем себе ни представить, ни помыслить до его овеществления; что-то, что мы чувствуем иначе, чем зна-

ем; что-то, что должно выражать и облачать себя необычными средствами: быть может, аллегорией, метафорой или какой-либо формой символизма. Его развитие стремительно. Мы способны лишь угадать смысл работы, но можем быть уверены, что его достоинства и истина долговечны. Не так уж много таких времён: немногие достаточно искренни, чтобы быть достойными.

654. Хаотический ум очень важен; Чжуан-цзы сказал: «Разум в покое — зеркало всей тьмы вещей». Конечно, это хорошие условия для повторной визуализации известного и, пожалуй, для восстановления памяти о каких-либо связях в пластах подсознательного. Периоды производительности и молниеносных идей — мои собственные и большинства людей — случаются в полусне, как в мечтах, когда я вижу творение, отличное от явного: калейдоскопический хаос, изобилующий всякого рода назойливыми образами, бурный, с бушующей толпой смутных духов, пришедших из лабиринта ума. Есть много других состояний сознания, дающих вдохновение, часто неожиданных; и пробуждение гнева и возмущения, дабы вызвать оракулы самого высокого уровня вдохновения.

655. Калека, ещё не оставивший надежду, прокладывает свою немощь, ибо он потерял способность к передвижению; боль делает его совершенно эгоцентричным, а ничто не лишает жизнеспособности более, чем такая принудительная концентрация.

656. Только делая видимое в высшей степени осязаемым и превращая его в источник наших идей, можно выразить нечто абстрактное или незримое.

657. У всех есть средства защиты, питания и воспроизводства: великое вспоможение суть возможный ритм иного: символический танец потенциалов вне слепого круга Ид; в противном случае мы просто автоматы.

658. Если судить по нашим способностям, мы подобны Богам. В рамках этого процесса или прогресса в стороне от Абсолютного, по направлению к придуманному человеком Богу, мы воспитываем своеволие, которое должно проявляться в двойственности и с которым мы встречаем новый хаотический переход. Этот процесс породил разного рода великих, тогда как основная часть человечества дрейфует в неравном развитии, — в основном недочеловеческом. Таким образом, чтобы стать ближе к нашей Божественности, мы должны функционально регрессировать и положиться на атавистические импульсы далёкого прошлого, пока не будем вдохновлены чистыми инстинктами, не нуждающимися в иной реакции, кроме собственного автоматизма. Так, идеи «Богоподобия» должны быть пробуждены с помощью воспоминания, возвращаясь к первоначальным инстинктам до тех пор, пока не будет достигнуто первое «необходимое».

659. Стоик учит не увещаниями или догмами, но образцовым поведением; кроме того, он не закаляет себя путём отделения от мира и эмоционального самоиступления. Его мысли пространно аморальны, его принципы открывают пер-

спективы и, при желании, утоляют боль. Он никогда не теряется, узнавая себя в инобытии. Он — солицист, самостоятельный, требовательный только к самому себе; он не стремится к привилегиям; что, впрочем, не мешает ему дарить и принимать дары.

660. Любое тело и существо постоянно и во всех направлениях сочитается склонностью к чувственному удовольствию: сладострастник — к объектам сношения, эстет — к красоте, и так далее. Человек, как правило, подслеповат: он знает обычно не то, чего ищет, а то, что считает чуждым. Честолюбец познаёт путём придания внутреннему внешней формы, путём воскрешения в памяти; ибо то, что не есть имплицитно эффективное, никогда не аффективно эксплицитно.

661. Я хотел бы научить вас новому ритуалу «Честолюбия»: Если вам потребуется познать Бога, вы должны сперва воссоздать Бога внутри. Вы можете стать Богом путём вымарывания, — ибо то, что вовне, есть вытекающее и просачивающееся прошлое.

662. Имморальный аскетизм: настрадавшись, они заперлись от реального мира в качестве средства личного спасения. Если и есть спасение, то оно приходит через человечество.

663. Нормальность жизни представляет собой смесь нефиксированных случайностей, ищущих переходных или временных союзов путём исключения. Это постоянный процесс повторного привлечения внимания к новым связям: всякое ощущение есть потенциальное творческое понимание; разнородность есть изменение — наша реадаптация к новым событиям с целью насаждения эмоций путём сродного удовольствия; выбор предопределён возможностью подобного опыта.

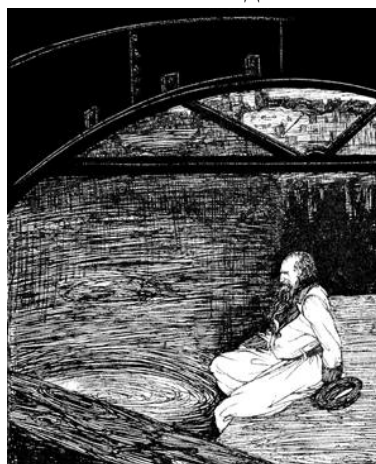
664. Дерьмо: прыгуны по выводам, обобщатели, косноязычные, вскормленные мечтаниями бесплодные витатели в облаках,

самоочарованные идеологи, материалисты, торговцы Майей, зомби-дзенщики, грязно-утомительные апологеты богов и людей, и многие другие «школы», — все они уничтожают собственные аргументы, когда им приходится использовать то, что они отрицают. Отсюда: «Знайте, что ничто нельзя знать», — это, по крайней мере, предполагает, что вы знаете то, что вы не можете знать. Я утверждаю, что это Знание есть, в конечном счёте, потенциал знать всё. Опять же, «всё есть иллюзия», «всё нереально», «все сведения ложны», «у нас нет прямого опыта личности»... и так до тошноты. И так мы получаем реальность иллюзии — как одно заблуждение, кое суть подделка другого. Ибо, если реальность, всем нам известная, нереальна, а мы — иллюзорные безличные автоматы, и всё ложно, откуда нам может быть известно, что это иллюзия, и как мы можем знать об Абсолюте при нашей непостижимости?

665. Но! Мы приходим от Абсолюта, в той мере, что и...! В противном случае ни вы, ни я, ни наши умственные способности не отличны от амёбы или даже частички протоплазмы. Или разница есть? Здесь-то и кроется ответ. Если мы не можем знать, правда ли это, то, возможно, мы способны утвердить отрицание, то есть знать, что не является для истины существенным? Ответ — и да, и нет, ибо для истины необходимо всё, поскольку всё истинно. Как что-либо может не быть истинным? Наша ошибка в том, что мы неверно располагаем его во времени и в пространстве. Кроме того, Истина (для нас) всегда облачена в наши убеждения, какими бы они ни были. Но, даже если я не могу объяснить Истину, — ибо она может ускользнуть от меня, — я в состоянии утверждать, что я действительно емь живая истина.

666. В темнице размеров и в клетки слов мы кормимся, словно падальщики, нашими грошовыми фразами. Реальность, кото-

рую мы видим и с которой соприкасаемся, — её расширение, сокращение и наложение, — по-прежнему не освоена, нераскрыта, но всё, что мы просим от этой «реальности», придёт от неё. Если вы требуете Природы, независимости, — будьте уверены, что вы получите немногим больше, чем сможете переварить. Все эти легкомысленные отрицания опыта обречены на провал: разве вы переживаете мои знания через собственную способность к рассуждению прямо сейчас? Уж не сводник ли вы?

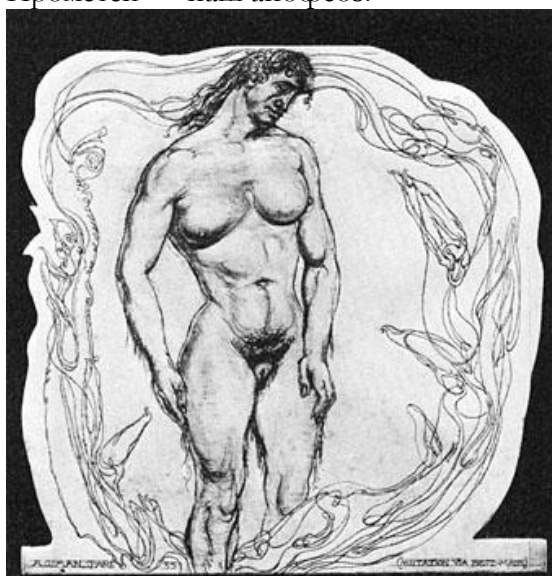

667. «Очевидность» всех вещей есть сознание, носящее личный характер. Большинство наших точных или единичных знаний, полученных из опыта, стало бессознательным, органическим и действует автоматически. Такие знания обычно не воспринимаются иначе, чем если мы огорчены или вдохновлены. Есть много путей к знанию и много видов знания и истины. Только усилия к истине раскрывают истину. Если выводов нет, — хотя сущности эволюционируют, деволюционируют и инволюционируют, — сущности всегда завершены («как бы»), всегда есть «как сейчас». Мы не говорим, что этот микроб есть человек или возможность человека, хотя мы можем утверждать, что человек есть возвратная форма паразита, испытывающая к себе и своему роду величайшую ненависть.

668. Жизнь — не средство достижения цели, но движение к другим средствам... восходящее или нисходящее.
669. Нет большего доказательства слабости и неполноценности, чем жадность. Творческий человек даёт много, а желает малого, тогда как нищий — разлагающийся, немощный — нуждается в каждой привилегии и в поддержке всего мира.
670. Не тот гений, у кого больше идей или они лучше, чем у других, а тот, кто может не только вообразить, но и воплотить их.
671. Всякий желает убежать от самого себя — любыми путями: сублимация, возвращающая к самим себе.
672. Внешний Космос — бескрайнее зеркало Наивысшей Осознанности, расширение Эго.
673. Иллюзии, наваждения и фантазии — происходят они из нормальности или пизофрении — суть осязаемые тени пареальности.
674. Когда я перестану видеть себя во всём, я буду молить о просветлении.
675. Хотя и безграничное, Пространство ячеисто, и ничто не ускользает из-под его засовов. Пространство ограничивает и делает всё частичным; мы — опыт бытия, реализованного таким образом. За пределами Пространства лежит бесконечное бытие и потенциальная Самость.

676. Принятие всего распространяет наш характер наружу: через все отрицания — к высшему достоинству.
677. Чувственные впечатления приносят меньшее знание, пока не оживлены страстностью души.
678. Человек в единстве с Природой не постижим: двойственность — наш путь, Прометей — наш апофеоз.

679. Сверхчеловек умер с пантеизмом — и с тех пор остались лишь калеки и приверженцы спасения.
680. Не бойся ни Богов, ни Жизни, ни Смерти, но собственной трусости и всех трусливых людей.
681. Всякое знание течёт сквозь бескровные категории и названия; повод для случайных сатурналий.
682. Я считаю, что вся атрибутика психологии, с её «фиксациями», «комплексам», «фобиями» и иже с ними, рухнет как гнилой фасад под дыханием здоровой среды и мудрого воспитания. С помощью «объяснения» ошибок в поведении человека и патопсихических процессах она выходят за рамки того, что определило и укрепило их причины.
683. Жало едкой критики или того, что вызывают у нас возмущение, порождает пространные ответы, а когда они глубоко прочувствованы, они становятся источ-

ником вдохновения и смелости — как это делают молчаливые мгновения глубокой медитации.

684. Что бы мы ни предложили или ни приняли из наших собственных мыслей, оно должно быть, в первую очередь, выражено в виде метафоры памяти. Когда фигуры и формы наших самых непреднамеренных выражений стойки, они становятся персонификациями наших идей.
685. Эстетика есть реальность: более устойчивые возможности чувствования.
686. Всякий помысел о реальности не поддаётся анализу, хотя через весь физический мир бежит поток неизвестного содержания, который можно ощутить сознанием, — ибо оно делает его реальным.
687. Человечество возвращается к своему прежнему «Я» путём своих отклонений: вера в наследственные системы даёт пищу дерзким талантам.
688. Если сердце ветшает, удовольствия жизни подходят к концу, и снова воплощается беспощадная раса элементарей, устанавливая свои права путём жестокости и отрицания: грубые людские минотавры. Внешняя защита выступала за развитие и формирование этих первобытных элементарей. Человеческое общество не осознаёт этого, поэтому передача полномочий разнообразным состояниям человеческого провидения опасно.
689. Бедность Искусства и Философии ведёт к великому злу, а знание «повернется» только на предмет удовлетворения алчности; идеалы и сама жизнь умяются.
690. Неизвестная почва человеческого познания есть вдохновение: всякое знание суть его результат.
691. Гений есть одержимость, любовь, преданная жизни, меняющаяся и самосохраняющаяся, смело противостоя тому, что стоит на пути выполнения его предназначения.
692. Воля дана нам взаимно, и мы можем направить её на высокое или низкое; наши

добро и зло скрытно преследуют нас и преопределяют наше становление.

693. Если мы зачаты непостижимостью, мы друг другу родня.

694. То, что заканчивается в себе, стремится к эмоциональным крайностям и коллапсу.
695. Самые верные вещи появляются там, где исчезает логика.
696. Из-за нашей неспособности достичь настоящего абсолюта мы вынуждены искать абстрактного — антитезы пространственных достоинств.
697. «Я есмь» сокрыто в «Я желаю» и ожидает притока «Я буду»: воление начинается там, где первые два в гармонии.
698. В дополнение к нынешним тщетностям, знание помогает нашему таланту зачать алчные абстракции и идеалы, добиться развития со стороны сопредельного и воссоединиться с прежним опытом.
699. Единственный медиатор души — её сумеречное состояние.
700. «Я есмь Я» только если «Ты есть Ты», — вот новая апперцепция.
701. Будучи более зависимыми от инстинктивности, вдохновения и иже с ними в качестве исходящих от Высшего, мы не нуждаемся в знаниях, дабы придать ему окончательную форму.

АПОКРИФ

702. Чувство идентичности стимулируется контрастами, потому что менее различное меньше способно к самореализации. Всё, кроме Эго, кажется эфемерным: такова наша спонтанная дань стабильности.
703. Наш контакт с душой уменьшается при словесном его выражении: нам чужда фразеология души, но мы можем лишь очертить некую непостижимую простоту сравнений.
704. В безумном мире вымыслы стали почти необходимы; а вот я считаю, что не так уж и нужно для выживания впадать в такое безумие.
705. Самость и травинка — всё ещё возможности смутных бесконечностей.
706. Бегу безумной дорогой: этот кишащий словами рот лишь произнёс «Я есмь Я» в каждой сфере; но, под гнётом притворств, недугов и страхов, желает недолгого сна — сладкого избавления.
707. Ни одна догма не даёт чувства бесконечного, и любая из них мало что открывает; религия есть набор ощущений. Настоящим убеждениям не учатся, но вспоминают их: чтобы быть подлинными, они должны быть глубокими, даже более того — быть душевными переживаниями, а не просто заявлениями.
708. Предназначение человека заключается не только в составлении описи бытия, но и в следовании эстетическому и этическому как логическим социальным функциям с помощью искусства. Ничем не связанная жизнь оказывается прочно обручена с жизнью как таковой.
709. Логика опровергает собственные силлогизмы; мы безумно мчимся от опыта к религии, чья единственная альтернатива — очередная мания.
710. Есть тип преднамеренного безумия, требующего больше усилий, чем здравомыслие.
711. Человек есть хаос парадоксов, смешение лжей и притворства, пропорциональное его знанию.
712. Гуманность освящает любое дело.
713. Есть столько разновидностей снов, что любой из способов толкования даёт одинаково нелогичный результат.
714. Континуум памяти настолько изрезан изменениями сознания, что воспоминание есть постоянный механизм визуализации, который запущен нашими надеждами и опасениями, ищущими воплощения. Одно воспоминание открывает другое, и, отступив достаточно далеко, они могут стать вещами: всё предрекает их появление.
715. С окраин сознания не приходит никакой уверенности в том, что мы вообразим себе в следующий раз; только это и достоверно, и оно будет чем-то, что удавалось ранее, но с другой интенсивностью или ценностью.
716. Наши инстинкты формируют наши оценки прекрасного, и то, что чувства влияют на наше благополучие, предрекает дальнейшее изменение этических представлений.
717. Заимствованная эстетическая культура есть пагубные узы, когда она чужда нашим природным способностям: притворные союзы рожают уродства и неудачи.
718. Искусство есть средство выражения опыта в абстрактном, которое нельзя проверить с помощью других средств.
719. Мы живём в чреве вселенной — и всё же маемся животом.
720. Все идеи, концепции, тезисы и гипотезы суть предположения из верных посылок, но они зачастую так дурно истолковываются, что становятся бесполезными.
721. Мыслительные процессы выводятся из бесчисленных несовместимостей, которые, тем не менее, связаны по значению с эмоциями: понимание есть такая эмоция, которая становится мозаичной.
722. Даже в пространстве у нас нет простора.
723. Вдохновение есть успешное освоение союзов за пределами предписанного нам пола.

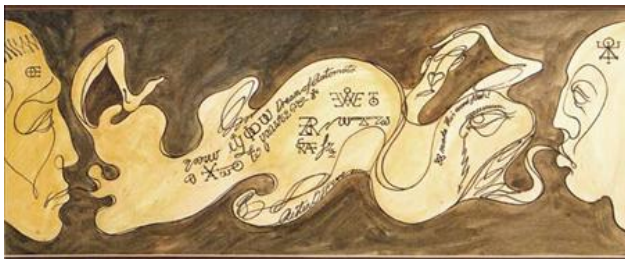
724. В конечном итоге мы приходим к выводу, что объекты, которые не дали нам сознательного опыта, связаны с теми, которые дали его.
725. Довод о том, что всякое сильное и необычное выражение есть лишь ментальная гипербола, не объясняет наших верных, хотя и инстинктивных, представлений, вдохновений — и некоторых снов.
726. Все верят в исключительную прибыльность нашего некогда девственного удивления пред самим существованием, которое вызывает склонность к чудесам, заслуживающую внимания лишь в отношении перенаправления и переучивания. Но наше мышление и обучение выкованы нашими предположениями. Если опыт даёт право свидетельствовать, представление с помощью идей делает то же самое.
727. Мы никогда ничего не осознаём полностью, кроме прилива сексуального Желания, пробуждающего нас.
728. Боль и наслаждение: ничто не существует без посредника. Мы сами себе создаём зло: в природе нет злонамеренности. В своих попытках поправить Природу человек бывает поправ сам.
729. Правда — это уравнение времени и пространства, неправда не связана с непосредственностью.
730. Жизнь есть ненасытное желание: стойкое, но меняющееся непрестанно. Она стремится к выражению в волнующих единствах. Мы страшимся её и прикрываемся ворохом условностей и ещё более странной морали.
731. Знакомое вызывает усталое безразличие; да не узрим мы ничего таким манером. Да будет взор наш видением: каждый вид — новым взором. Усталость — куда более редкая гостья, если такое отношение постоянно.
732. Искренность трудно вызвать под давлением мимолётной модальности и калейдоскопического хаоса близящихся и умаляющих её событий.
733. Мы убеждены в чём-либо настолько глубоко, насколько мы испытали это.
734. Всё на свете вечно прелюбодействует.
735. ...И помни: ты перетерпишь всё и будешь терпеть снова, пока не будет в тебе достаточно терпения, чтобы принять всё и вся¹.
736. Наше понимание — то есть всё искусство и наука — основано на связывании и синтезе всего: Тождество через отождествление.
737. Все мыслительные процессы, стимулируются они объективно или субъективно, должны, в конце концов, стать пространственными метафорами, раскрывающими весь космос и всё в нём, как оно есть: переплетённое и взаимосвязанное. Очевидная двойственность и обособленность этих метафор лежит в наших помыслах либо в нас самих: их передача делает нас нетворящими.
738. Всякий синтез мы производим из отдельных частей, преобразованных в целое, никогда не завершённое в полной мере. Наши процессы познания произ-

¹ См. № 231.

АПОКРИФ

вольны или случайны, ибо ничто не представлено в виде логической последовательности. В этом нет нелогичности, поскольку нам непонятны отношения или связи. Хотим мы обнаружить выгоду в верной последовательности отношений или стать более смелыми и привести наши оценки к идеалу высшей реальности — наш выбор.

739. Идеи абстрактного Бога столь же антропоморфны, как и всё прочие, но выдаются за более древние.
740. «Математика есть вид человеческой логики» — спорный тезис, который ничего не производит сам и доказывает лишь возможность.
741. Видение объекта есть присутствие идеи в мысли...

742. Посреди хаоса пространственно-временных феноменов мы одурманены ощущениями, потрясены до самых глубин спором добра и зла: «Делай этого — не делай того!»; тени постижения нашей неотделимости утеряны.
743. Затемни свою комнату, закрой дверь и очисти свой ум. И ты по-прежнему в толпе. Твоё божество и гений со всем их окружением, рой элементарей и призраки мёртвых любовей — ОНИ ЗДЕСЬ. Им не нужно света, чтобы видеть, слов, чтобы говорить, и повода для беседы, кроме твоего чистого, оформленного желания.
744. Вопрос не в том, в чём мы убеждены, а насколько глубоко и искренне: без убеждённости не состоится ничего.
745. Нужна способность связывать, а не религия: в религии всегда есть ложное ханжество.

746. Много проторенных троп, но ни одна из них не ведёт к Самости. Поэтому, когда ты не один, выбирай эклектичный Путь; когда ты один — кривую дорожку к известному.

747. Бог-Душа-Тело соподчинены не более, чем отражатель, отражающее и отражаемое. Они взаимозависимы, зависимы и независимы: простираются в пространстве, меняются во времени, объединяются и отделяются бесконечно, — казалось бы, случайно, как путь Жизненной Силы.

748. Мы не можем понять больше того, во что можем поверить: вот наш уровень понимания, — но этим не ограничены наши ощущения.

749. Благозвучие есть оформленный звук. Мудрость не может быть внятной в потоке слов, но она способна выразить себя в переозвучке символического слова, дабы зашифровать в нём мистический смысл.

750. Следи за тем, чтобы вдыхать чистое, чтобы не выдыхать нечистое. Я вобрал всё нечистое, но мои испарения не так уж дурны. Как человеческие существа, мы поглощаем — психически или физически — собственные выделения.

751. Обоснование наших убеждений и привычек обычно происходит из претенциозности или заблуждения: не в качестве компенсации наших неудач. Поэтому не верь в Бога из-за того, что не смог осознать себя, но верь в Бога для того, чтобы осознать эту идею в себе. Даже если первый стимул приходит извне, на этом пути ответ куда вероятнее.

752. Повсюду вопят музыкальные автоматы «Во мне есть музыка, во мне есть ритм!..» И каждый утверждает, что он не хуже других. Да! — Какой ещё ритм? Кольцо слепозмейки? И не хуже кого? Ни один человек не равен богам: ни душой своей, ни лучшим в себе. Если добродетельный человек выше других, он не твердит об этом, обеспокоенный своей низостью.

753. Из алогичного мира явлений мы извлекаем наши ложные суждения, поэтому наши вымыслы доказываются (или не доказываются) подобной казустикой. Выдуманная нами геометрия впредь будет нашим методом доказательства иллюзорных суждений.
754. Из аморального мира явлений мы извлекаем нашу этику. Если (как это обычно и бывает) добродетельно было бы воспитать в себе таланты и дарования как средство самореализации, становится ли прирождённый лжец лучшим или худшим из лжецов? Вот ответ: есть «свободные точки», где такие способности воображения могут быть перенесены в художественное, то есть в социальную справедливость. Средства, методы и методики могут подвести или определить этические качества выражения. Единственная дружественность вещей, применимая на практике, есть эстетическая истина. Если вещь красивая, мы с нею.
755. Прими обманчивый мир явлений как реальность удачного сочетания обладающей волей материи и чувствующей плоти. Прими область внутри себя как абстрактно творящую, предопределяющую и столь же реальную. И так создавай дающее...
756. Наше желание вызывает необходимость. Мы не можем иначе хотеть, воображать, создавать или пробуждать нечто необходимое, если оно уже не внутри нас, и мы способны пробудить это только целесообразными средствами, то есть верой в «смысл», который читаем в нём. Феноменальное есть позитивистский вымысел мысли, абсолютное отрицание реальности. Поэтому Космос — будучи отрицанием Абсолютности — и мы (Я) обращаем эту концепцию, принимаем её как положительную (реальную), будучи отрицательными по отношению к ней — или же положительными по отношению к ней как к отрицательной, — либо выдумываем некие другие равнозначные измышления. Следовательно, маг стоит на «как бы» и предположениях.
757. Мир явлений (не «мир вещей в себе») — единственный известный нам и совершенно явный «реальный» мир, ни объясняющий, ни являющий ни целей, ни смысла, ни чего-то ещё в этом духе. Мы подражаем, сравниваем, получаем ложные впечатления и стараемся согласовать различия, из которых делаем обобщения и называем их «знаниями»: всего лишь притязания частичных впечатлений и персонализации истин с преднамеренным или аффективным опытом или без оного. Этот метод совмещения составляет наше Эго из дряблых предпосылок — накопления выборочных оценок, определяющих ценности и абстракции: как хорошие, плохие, нейтральные и так далее; из мира, безразличного к оценкам. Но реальный мир, реальные «вещи в себе», ближе: например, Эго как субъективная и единственная реальность, не являющаяся претенциозным предположением. Таким образом, любые персонализации, образы, индукции, дедукции или перенесения от объективности (или субъективности) станут действительными как кажимость. Поэтому есть гносеологическое и онтологическое, созданное Эго; закон его суть (должно быть) ненужность, пока я определил так, ибо этот мир создан мною...
758. ...В моей правой руке всё сущее, в левой — небытие. Струясь сквозь мои пальцы, проявляются все ваши Я в Том; или не проявляются, как я пожелаю. Убеждение — рычаг и точка опоры, чтобы поднять Мир — и передвинуть ось бытия.
759. Внутри нас — знание всего, что мы пережили, но мы не можем познать его, если не переживём повторно. Мы не можем осознать того, что есть внутри нас, если не получим стимула от некоторого опыта извне: правило перетекания.
760. Человек живёт двумя жизнями (двуличный ублодок): мнимой и более-менее

реальной. Он означил предпочтения для своих предположений; он страшится или отрицает всё, что заставляет его чувствовать себя неполноценным, и потому схватывает всё, что даёт ему чувство превосходства. Человек, держащийся скромно, как ему подобает, не уступает никому: ни зверю, ни человеку, ни Богу, — что делает всё это нелепым. Человек лжёт, дабы победить свои недостатки; он обманывает немногих, но более всего себя; и это парадокс, ибо на самом деле гораздо он больше, чем его притворство. Тот, кто «претенциозно» заявляет, что он есть Бог, говорит гораздо меньше, чем оно есть на самом деле. Его порядок ошибочен... он — только то, что он делает таким же вероятным, как Бог.

761. Всеведущий ум разрешает нам любую абсурдность; но власть дарована всем верящим в себя, добрым или злым. Волнует ли Вселенную, когда мы валяем дурака или попадаем в порочный круг? Посему верьте в себя бескорыстно, и ваши непредвиденные расходы будут соответствовать вашим способностям.

762. Сеть пространства обвивает нас, его meshes близки, когда наши контрацептивы порочны. Вот смеху-то: мы предвосхищаем самих себя! То, чем ты хочешь быть, обратно пропорционально твоим притязаниям?

763. Человек одной крови со всем творением, его подобия повсюду. Вселенная, Солнце, Луна, Земля, всё, что они порождают, и все сверхъестественные «сущности» служат или поддерживают его некоторое время: всё есть его наследие и вечное прошлое, в которое он соскальзывает. Жизнь управляется вечным воздействием и превращением, метаморфозами ради совершенствования функций. Человек стал сверхмлекопитающим по своей форме и совершенством своих рук: его лучшее состояние позволяет ему его возродиться к совершенству как человеку, но даже его самые безупречные формы недостаточны для какого бы то ни было Богоподобия.

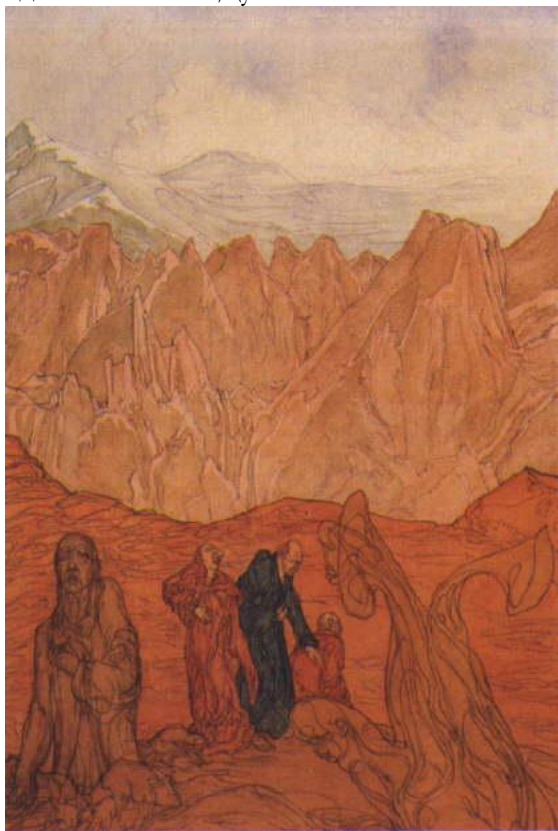

764. Но в человеке есть что-то от застоя, ибо его забывчивость никогда не превосходит памяти, а его итог — всегда полужнание. Да нет, даже не половина его. Мы мало знаем — а то и вовсе не знаем ничего — о последствиях и завершении мыслей и поступков. Сливаясь ли, исчерпываясь ли, развиваясь ли, ничто не исчезает, но лишь меняет форму существования и в конечном итоге возвращается к создателю... так мы увеличиваем или уменьшаем.

765. Изъян всех наших рассуждений в том, что они проявляют склонность к определённым формам и не склонны чувствовать целого. Мы поддерживаем, как правило, очевидное, независимо от того, обещает оно многое или малое, — и

лишь изредка — тонкое, призрачное, косвенное, пространное, неизмеримое, скользящее по краю бездны, которую нам не объять, но которая, объемя нас, дарует Самость в пространстве-времени.

766. Человек уже упал, измождённый, у подножия горы ничтожности, событий, фактов, цифр, знаний, имён, категорий и тому подобного, что служит лишь для оправдания и как топливо бедствиям жадности. Посему каждый верующий в Искусство, в Красоту, в Тайну и Магию — мой брат. Они, по крайней мере, более геоцентричны, антропоцентричны. Их причины и выводы не опровергают их логики и силлогизмов, заключая в себе лишь Истину. Они не избегают накопленного опыта и не погружаются в веру из-за неудачи. Они убеждены в Эго, не сомневаются в своих Идеях и не ждут вдохновения от Души.

767. Бог: или перспективное затруднение, или становящийся потенциальным самоперсонализм, — тогда как «отноше-

ние» обретает ценность (предположительные атрибуты), владеет малым (формы владения как продолжительность в Эго). (например) Наши словесные средства передачи смыслов, сиречь желания, ищущие воплощения, не увлекают, не превращают, не исполняют, но просто передают обратно мало или практически ничего. (например) Бог из Разума из Эго алогичен, отвечает на неразгаданные параллельные шифры: олицетворение симпатического синтеза, сокрытого в смысле (как Самость в «я»).

768. (Бог): ничто как нечто никогда не есть как оно есть, но всегда ни то — ни сё; это знает не-то через ни то — ни это: То (как мог бы я) не знает этого... поэтому, когда я составляю таким образом не поддающиеся расшифровке геометрические криптограммы, они «не есть то», то есть не связаны с «тем», не становятся ничем (непредсказывающим), то есть истинная форма как таковая должна стремиться к функции от собственного «этого» и менять форму врождённого первоначального смысла (предсказание из).
769. Мечты открывают нам дверь, которой мы прежде не пользовались. Эго есть наша единственная реальность, — и о ней нам ничего неизвестно. Вдохновение является как бы вспышками, но опыт постоянен.
770. Убеждение есть абстрактное действительное, а то, в чём убеждены, действительно, и потому предположения, если в них убеждены, воплощаются в неосязаемой материи. Есть лишь бесконечная действительность, а истина есть то, что мы делаем ею; наши неточные сопоставления, смешиваясь с грязными помехами, смущают нас и наше наследие.
771. Зос говорит так: *fornicatus benedictus!*¹ Лучшие вещи достигаются с трахом без страха. Но этот способ соития подчёркивает лишь свою обособленность от другого, а не реальность как-она-есть-в-

¹ (лат.) Блаженны блудники!

себе. Он побуждает нас чувствовать себя свободно и глубоко без ограничений, пока мы не измождены усилиями к единству. Тем не менее, что бы вы делали в мире, ограниченном полом? Ни одна мошонка не доживает до утра...

772. Я пантеист «как бы», ибо я могу представить Бога в Тебе и Тебя во Мне: новая антропология; Бог в нас во всех и во всех возможностях. Мы не можем принять «как бы» и любить всё вокруг как себя самих, но можем «как бы» любить себя как всё вокруг.
773. Принципы этики могут быть всеобъемлющими, ибо любое важное «логическое предположение» Этично (сиречь справедливо для всего остального).
774. Из Жизни ведут многие двери на многие и разные Небеса. Смерть — одна из дверей.
775. Всякое знание становится добрым или злым. Наше удивление от пространного творчества, стремящегося подобрать или схватить что-то за пределами измерений, более плодотворно для значительных Идей и сильнее стирает менее значительные идеи, чем любая другая форма «зачатия».
776. Любой раздражитель может вызвать практически любой ответ, выровненный его функциональной направленностью и нашими возможностями самовыражения. Происходит ли этот стимул «снаружи или изнутри» — неважно: тело есть посредник из цепочки посредничества, отражающей то, что введено в неё, и реагирующей способом, обусловленным возможностями среды. Все виды материи, проницаемые для других видов и энергий, всегда зачарованы или активны в материи, которая, будучи пропитана ею, принимает формы, различия, разделения, — и появляется сущность...
777. Физиология и сознание (тело и Это) суть явления, которые пребывают не в случайном соединении, а в постоянном союзе (порою неявном). Философия

должна осознать тот факт, что наука сама по себе работает на философские предпосылки, но находится не в лучшем положении с её бесконечными противоречиями и разнообразными «измами» — часто не более чем «диалектами» «частного».

778. Плоть наследует всё.
779. Последнее, что превзойдёт человек, будет его садизм.
780. Человеческая изобретательность: Это и Грех.
781. Все добродетели исчерпаемы и быстро разрушаемы, тогда как зло изобильно и всегда рядом.
782. Начало мудрости: «Хочешь быть добродетельным? Отыщи в себе злое» (Эпиктет¹). Поэтому Стоик привлекает одно зло в себе на борьбу с другим злом. Да, пусть свой хлеб по водам, не думая о возвращении: какую скорбь наживёшь? Будь добродетелен украдкой, бесстрашно осуждая зло.
783. Наша значимость: вирус или сдвиг земной оси уничтожит человечество полностью.
784. Осознанность может прийти как реакция на бесконечные влияния.
785. Если бы нам удалось определить все мыслимые связи, которые только может предполагать замысел, у нас было бы его полное определение. Но что есть замысел? По существу, он гипотетичен и связан с мышлением: визуализированная иллюзия, записанная словами образов, как «метод» познания. Всякое мышление есть особая форма познания, поэтому любое мысленное значение в своём собственном контексте не истинно универсально, но истинно в волеии, в качестве связующего или средства.
786. Истина есть жупел; мы должны спрашивать не о том, истинно ли это, но о том, является ли это «средством выражения» (динамический темп «как сейчас»). Всё есть направленная мера функционально-

¹ Эпиктет — философ-стоик, ок. 60-110 Р. Х. (Прим. авт.)

го назначения, что ищет «средства» к волею, поэтому, если мы можем узнать правильное средство для чего-нибудь — абстрактного или конкретного, — его проявление приложится.

787. Маг Непостижим: испытание всех немислимых невозможностей, которых «не должно быть»... но он ЕСТЬ.
788. Разве не сказал мне великий Сатир: «Я всегда с тобой, на твоём пути?»

789. Вещь, порождённая другой вещью, столь же естественна, как и первая; то, что она не раскрывает, остаётся сокрытым внутри неё. Поэтому если «Природа» породила бабочку и человека, то каждый из них имеет в себе нечто — явное или тайное, — что роднит одно с другим. Поэтому же чем бы ни был человек, он заключает в себе то, что его породило.
790. Есть бесконечно блистательные слова: звуковые последовательности, которые могут казаться алогичными, но настолько близкими к Истине, насколько это только возможно.
791. Определённые последовательности звуков и знаков, все из которых имеют ложные значения, могут воспламенить этот мир.
792. Достоинство смещённых смыслов наших переплетённых ярлыков, неточных соот-

ношений и двусмысленностей — в их пространственной протяжённости и в том, что они освежают память путём выборочного экспрессионизма, обладающего эмоциональным качеством, которое придаёт эстетическую ценность, тогда как более формальные фразы могли бы передать куда как меньшее.

793. Прописные истины и обобщения есть отложения дискурсивного познания, опасные за пределами их собственных рамок. Поэтому маг использует такие выразительные средства для вызывания и тому подобных действий. Обычный язык связан с передачей другим обманов, надежд, страхов, знаний, желаний и иже с ними, дабы вызвать изменения и их исполнение, тогда как главная задача магического языка — получение от подсознания ответов на вопросы (ещё одна форма молитвы), выраженных в примитивных символах. Считается, что такое общение возможно только с помощью криптографических символов: перенесение интуитивного на осязаемое.

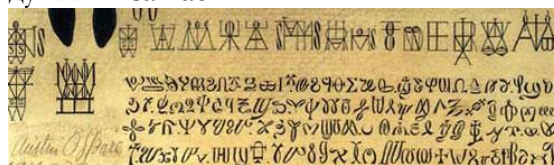
794. Человек — весьма жалкая мера того, что он может представить себе, и забытый осадок своего опыта. Все истины обладают измерениями (часто двумя) и всегда направлены, но мы часто не принимаем в расчёт или сбрасываем со счетов упругость и выносливость форм (как сейчас), как и то, что в любое время и в любом месте что угодно может быть истинным или ложным. То, что теория относительности справедлива, не менее вероятно, чем обратное утверждение, и потому нечто соответствует своему градусу (в гроскопе).
795. Наше предназначение как «как бы постоянное» есть наше убеждение как синхронизатор (для настоящего момента). Ни время, ни пространство в действительности не расширяются: они просто изменяют отношения через формальные стадии. Мы суть такие изменения и отношения, соединения, обособления и тому подобное.
796. Избегай мы постоянно своей орбиты, мы бы никогда не пересекли свой прежний путь и не повторили его. Мы бы обошли сизифову вечность, всё бы изменилось, включая наш образ понимания: наши приверженности, наши различия... и нашу способность спариваться где угодно. В конечном счёте, мы желаем узнать не столько смысл вещей, то есть то, что они означают для нас, сколько то, что они значат сами по себе, как реальность. Стоик причащается реальности терпеливым принятием. Такое чудаческое отношение даёт ответы, которые — истинные они или нет — становятся украшением жизни... ценя прекрасное, когда оно касается нас. То, что кажется отвратительным и уродливым, является таким лишь сообразно нашей степени терпимости. Для червя червь прекрасен, — и необязательно нам самим уподобляться червю, чтобы узнать это: мы и так уже слишком черви.
797. Нет в природе ничего более многострадального, поруганного, изуродованного или многократно уничтоженного, как человек. Собственно, я лукавлю, ибо знаю, что, как бы он ни был унижен, — я ещё хуже. Человек есть единственная угроза для самого себя — и единственное спасение. Человек малочуток к самокритике или критике со стороны других или нечуток к ней вовсе, и когда «судьба» отвешивает полновесный пинок, то его реакция — ...!
798. Незаметные, Ид бормочут свои смыслы как желания и действуют с помощью форм, а мы формируем наши идеи путём «как бы», преобразуя нашу реальность через наше несовершенное их восприятие. Таким образом, Желание, Воля, Вера функционально скорее противоречивы, нежели гармоничны; Ид торжествуют всегда, скрывая наше истинное предназначение; они не умирают, но лишь изменяются. Если ты не можешь поладить с ними одним путём, то сможешь другим. Истина есть дух нашего огромного эмоционального комплекса, вскормленного структурой Ид.
799. Мы можем предсказать ложные надежды человека, его новый вид мышления, анализа и тому подобного. Но никто не может предсказать следующую форму человека (если таковая будет), но лишь возможный возврат или подъём выше общего уровня в направлении того, что уже достигнуто. То, что не воспринимается, не может беспокоить нас, хотя человек, как правило, бесконечно способен к улучшению. Он может быть в застое — самодостаточном: геометрия исчерпана. Человек есть чудо творения: нет ничего лучше плоти, то есть плоти в её лучшем виде. Это наши реакции ошибочны.
800. Тезис о Карме есть единственное рациональное объяснение судьбы — абстрактно или другими идеями. И только зна-

менитый Стоик говорит: Все наши страдания — от нас самих.

801. Я весьма скромно надеюсь всегда оставаться «Я есмь Я»...
802. Поняв нашу действительность, её мощь, её обширное наследие и переданное верховенство Эго — обещание превзойти все ограничения, — мы моргаем, закрываем глаза, ищем ничтожности и направляем наши желания к извращённым порождениям наших Ид. Неужели нет противоядия, чтобы излечить самоотравление нашими подменными реальностями? Есть лишь одна грандиозная Реальность: сомнения прочь! Смерть — довольно незначительное событие в жизни, — и она всё меньше и меньше в вашей бесконечности, в вашей реальности.
803. Не измышления, но инстинктивное чутьё — наш лучший проводник в лабиринтах.
804. Когда мы живо воспринимаем огромную важность всего творения, — как бы ничтожно ни было наше понимание, мы одарены мерой значимости.
805. Всякий опыт есть ощущение воздействия. Человек в основном управляется своими Ид (страстями) и целиком обусловлен своими любовями и ненавистями. Он бы остался статичным или разрушил себя, если бы априорное не подталкивало его, волей-неволей, посредством его этического чувства и социальных соглашений. Таков компромисс.

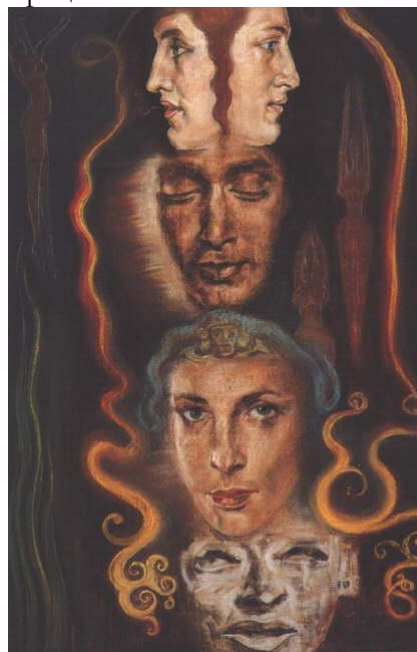

806. Диалектическое и рациональное: принимать всё, включая Природу и нашу собственную маленькую контрприроду, всё как реальность, без ограничений. Увы, мы не можем проглотить всё это зараз: этому не соответствует наша форма и наши способности.
807. Все формы реальности, как представляется, существуют в рамках их собственных прав. Сколько получают они из неизвестных источников и насколько полагаются на них — можно только гадать. В качестве общего наблюдения мы можем утверждать, что все они служат средством для чего-либо ещё и что каким бы ни было действие, оно более разумно, чем мы сами. Но, сколь многое ни открылось бы нам, в сравнении оно — лишь малая йота целого. Всё активизируется разумом более великим, чем его инструмент.
808. Само-садомазохизм: люби себя как своего ближнего.
809. Закон гения есть его собственное беззаконие истины, его вдохновение; оригинальность, собственные нужды, способность к волеию, его спонтанность; Природа, её собственная индивидуальность и тому подобное. Иначе говоря, поступай исходя из собственного алогичного «изма».
810. Если запретить другим думать за нас и если у нас мало возможностей для размышлений, утверждайте наши собственные убеждения «как бы», и всё сущее в мыслях будет думать за нас. Любая часть целого черпает свой дух из целого и, полагаемая таковой, будет функционировать как целое. Большая часть наших мыслей есть «мыслящее в мысли», поэтому спите спокойно... А когда мы умрём, все наши проклятые иероглифы будут жить за нас...

811. Я не мог покаяться, я не мог молиться или просить прощения, потому отдал другим покаяния, молитвы, прощение, и Богу воздал тоже. Но как? Открывая невиданную доселе красоту. Я не знаю ничего более старящего, чем «логицизм» — забота о том, чтобы быть логичным.
812. Идеи, которые не имеют чувственной формы (рассуждения, мышления и иже с ними), происходят от скрытой геометрии нашего мышления: наша геометрия — силуэты априорного.
813. Единственным доказательством того, что мы были, есть или будем Божьими, есть «предчувствующая сообразительность», ибо то, что не может быть помыслено, не может существовать «как сейчас», но оно будет... Поэтому я повелеваю вам заменить время своей неотъемлемостью.
814. ...И я, несчастный, увидел «духовную энергию», восходящую от моего умирающего кота: тёмное астральное тело, вывернутую и перевёрнутую тень. Мёртвым сущностям — телам — нельзя, как порченным продуктам с помощью приправ, придать подобие волшебного дара украденной Жизни.
815. Из абсолютичности и вечности мы пришли во время. Есть ли возвращение? А наши чувства, обильный хлам наших эмоций, — вернутся ли эти пустяки? Все ли наши стремления и идеалы зачтутся как нуль? Как любитель плоти и человечности, я предпочитаю Вечности — Время.
816. Худшее поражение — смирение. Победа над смертью и над всем иным достигается бесстрашным желанием. В этом мире без усилий и борьбы нельзя получить ничего для удовлетворения желаний. Прирождённый гений только тратит плоды предыдущих усилий.
817. Боги поступают с тобой так, как ты поступаешь с другими; точно так же — как ты поступишь с собою, то ты и получишь.

818. Красота привлекает потому, что она — самое рациональное из известного нам.

819. Истина как осязающее, Реальность во всех её проявлениях формируют четверицу и открывает вид на пятерицу: два профиля, многочисленные «три четверти», анфас и вид сзади. Все теотезы¹ предоставляют собой точку зрения, а не весь вид целиком, но синтез всех философий будет наиболее приемлем. Поэтому я принимаю не «окольный путь» взгляда на вещи, но наше отклонение от нормы, необходимое для любой позиции, наши метаморфозы путём такого перенаправления с кучи соглашательств...
820. Мы должны постоянно создавать свою двойственность — и постоянно волея-неволей делаем так.
821. Разрядка напряжения нашей цели с помощью аллегории: гончар и его круг значат для меня больше, чем все религии; он работает по необходимости для необходимого, зачастую даруя другим волнующую красоту.
822. Боги, душа и всё вокруг суть плоть, — неважно, какой природы, — и она столь же реальна, как и наша собственная. Мы

¹ *Теотеза* — гипотеза, привлекающая для объяснения божественные силы. Разновидность мифотезы.

есть условия существования в той степени, в какой позволяет нам наша текучая осознанность. Те дураки, кто отрицает свою плоть, либо одурманены, либо самоочарованы: они просто подвели свою плоть, они боятся жизни, вынуждены попрошайничать, и разум их устал от них. Они живут как под камнем со своими зловонными тезисами. И снова заявляю, что, хотя все их премудрости и смутные видения исходят из того же источника, они куда меньше, чем если они принимают мудрость и красоту «тела», которому обязаны всем.

823. Жизнь кажется долгим ожиданием материализации себя в качестве равного представителя нашего идеала или желания, потому что все мы, как мы поняли — воплощение нашей последней самости, навсегда...
824. У лени есть некоторые заслуги: ленивые, мы редко хищны и назойливы и — возможно, как и многие, — равнодушны ко многому, думая, что успех в эти дни не более желателен, чем поражение.
825. Закон столь презренен, что его главным назначением должна быть оценка его несправедливости.
826. Море-прародитель: постоянные приливы и отливы, — и оно — причина всего порождающего. Это так похоже на нас, неустойчивых, с постоянными переменами настроения, перещеголявших все личины, всех женщин; ужасных или прекрасных, как сверкающие дроблёные сапфиры. Это продолжается вечно: влажные приливы и отливы в жилах.
827. Кому бы ни подчинялись Ид, сейчас то время, когда неотъемлемость неизбежна.
828. Что бы ни связывало вещи, оно действует как непрестанно меняющаяся общность.
829. Ничто не входит в разум свободным от опыта. А как давно пережитое случилось и позабылось? И как далеко зайдёт следующий опыт? Это некий порочный круг сплошного опыта, бесконечно рас-

колотый, повторно переживающий... доколе?

830. Жизнь согласно любому предвзятому тезису или идеалу может калечить так же, как жизнь по любым изношенным парням, клише или подобным нелепостям; у Ид много обличий. Поэтому Стоик принимает собственные силы и мотивы поведения, на которые автоматически отвечает со всей прямою. Его инстинкты оживают во здравии, он выслеживает всякую ложь и обман. Он делает то, что желает, и принимает всю ответственность: вот в чём добродетель. Делайте, как вам будет угодно, что будет приятно: вот закон. Только то, что вы приняли, имеет искренность и мощь любви.
831. Между всем и вся есть слой опыта, своим сходством стимулирующий стремление помнить и наследовать. Мы выходим из одной вещи в другую, оставляя тайный дух наших знаний, которые, как призраки, продолжают жить, омрачая нашу долю, и с помощью которых наше прошлое постоянно возвращается в нас. То, что мы пробуждаем снова, определяется нашими убеждениями, волей, желаниями и действиями. Будь я вампиром, какие пробудились бы сомнамбулы!

832. Когда великая усталость наступает меня, а жизнь моя, да и я сам, устаёт от бедности инструментов, менее всего меня тревожит суд после смерти. Наше добро и зло живы; искупление придёт с перерождением.
833. Как мало я произвожу на свет! — будто рассеиваю по ветру, бесплодно.
834. Когда люди говорят мне, что они испытали всё... я открываю рот в изумлении! Вот что они подразумевают на самом деле: есть вещи, которые им известны, — обычно убогие союзы и разочарования.
835. С детства и до смерти мы ищем и находим суррогатную действительность, невольно сотворив подобие. Мы инстинктивно подражаем тому факту, что мы суть заменители куда большей реальности: вечно ищущей компенсации в замещении за то, что она есть замена; двойной парадокс.
836. В наших родственных связях мы как водоросли, вышедшие из ила становления. В них мы снова больше, чем всё, что мы понимаем и знаем. Наше достижение — в нашей величайшей осознанности как индивидов (при помощи нашей оригинальности).
837. Если Абсолют абсолютен, нет ничего невозможного; а это значит, что своевольное без принуждения — Абсолют, — подобно Зевсу, может получить удовольствие от соприкосновения с человеческой плотью... Почему бы и нет? Если мы хотим чудес, то что же тогда может быть удивительнее, чем ограничить бесконечное?
838. Мы редко осознаём, что жизнь есть непрекращающееся драматическое взаимодействие наших зримых союзов и разделений, руководимое нашими незримыми союзами и разделениями. Мы пробудились для дальнейшей неопределённости.
839. Слепые всё ещё поводыри слепых. Какое разочарование для материалистов в том, что они не могут предусмотреть способ влияния жизни на материю... прибегая к нелепости слепой силы и случайным побочным продуктам! Какие знания раскрыла Природа, что они злоупотребляют разрушительным зверством, — воистину, все мы ждём уничтожения. Так зачем же давать большие знания? Человек достиг полноты своей мерзости: стал самой слепой силой в случайном побочном продукте и, как Иуда, предаёт за сребреники.
840. Для тех, кто страшится реальности, жизнь становится вялой и затхлою: постоянным переживанием прошедших дней в мечтах.
841. Малая секунда — путь, который я открываю... Магия — не что иное как естественное умение притягивать без просьб.
842. В математике квадрат и круг — «нулевые формы», символы бесконечности как «пространства-времени»; все прочие фигуры есть их части, комбинации, вариации или искажения. Квадрат есть выпрямленная и утилитарная форма круга; ноля, символа бесконечности как «пространства-времени».
843. Жизнь есть предполагаемая ситуация, которая никогда не произойдёт; наши ожидания создают зародыш желания, который никогда не родится.
844. Где желают красота и сила, желать будет всё, кроме ненависти.
845. Человек отклоняется — даже от собственных норм! — в основном для того, чтобы компенсировать недостатки, и часто находит мир теней, принимающий и отражающий его слабости, даруя им необходимое выживание.
846. Что за глупость ввергает во мрак утверждения, будто бы всё было создано несвязанным со всем остальным! Если бы всё было совершенно отдельно, завершено, оно было бы статичным и быстро бы себя исчерпало. Жизнь, рост, изменение — внутри и вне всех вещей во всевозможных превращениях. Все вещи служат друг другу, волей или неволей. Но мы живём отделёнными любой це-

ной и сделали наше невежество настолько устойчивым, насколько это возможно... и ничто не кажется более прочным, чем ложь.

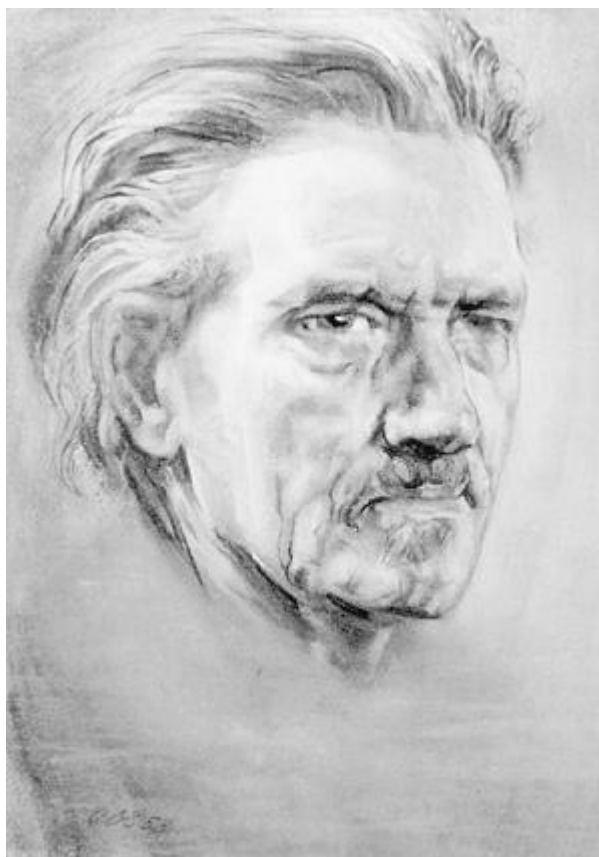
847. Мы суть миллионы вчера, а что представляется самозарождённым, является работой неизвестных посредников, позволяющих или не позволяющих свершиться нашим действиям тайной алхимии убеждений.

848. Красота одна достигает простоты, потому как она, в основном, в «бережливости». Алчность приукрашивает, расцветивает, пышно облачает и превращает в моду. Нагая фигура есть образчик более гибкой и правдивой красоты: отсюда сочетаться браком с «лицом» значит вступить в фиктивный брак. Наши дела и поведение являются истинным нашим портретом, «ценностями», которыми мы живём и которые дарим.

849. Когда мысль отмежёвывается от своих связей и градаций меж всем контрастным, она меняет форму вновь; в конце концов, она предстаёт как асимметричное равновесие. Это «странное видение» есть уровень нашего гения.

850. Так — верно ли, неверно ли — думаю я: что однажды было свободным, случайным и бесформенным, ищет деспотических законов, оседает во временной и пространственной форме с определённым функциональным назначением и направлением, о котором мы можем только догадываться, — дабы осознать все возможности в определённых пределах — ещё неохваченных.

851. Тот удивительный первый взгляд на что-то мимолётное, но, схваченное, перерождается в великое Искусство.

နဲ: ၊ ပျဲ:နဲ ပံ့ၣ် ပံ့:ပျဲပျဲ,